

Часть вторая.

I.

Подъ утро дождь выпалъ на поле битвы и обмылъ его какъ бы теплыми слезами. Король всталъ безпокойный, послѣ маленькаго отдыха; ночь умѣрила въ немъ жаръ, рвеніе къ битвѣ и даже увѣренность въ покровительство небесъ. Онъ всталъ съ зародившимся въ душѣ сомнѣніемъ.

Воинство, наоборотъ, подавало теперь хорошій примѣръ мужества.

Изъ вождей первый явился съ грустнымъ, нахмуреннымъ лицомъ Оссолинскій, и король, привѣтствуя его, робко спросилъ:

— Вы думаете письмомъ отклонить Исламъ Гирея? Я раздумывалъ объ этомъ, но не знаю...

Онъ колебался, опустилъ глаза и не докончилъ фразы.

— Я ужъ отправилъ ему письмо съ раненымъ плѣнникомъ, — сказалъ канцлеръ.

— Выйдетъ-ли толкъ изъ этого? — спросилъ Янъ Казиміръ. — Какъ вамъ кажется?

Оссолинскій слегка подернулъ плечами.

— Слѣдовало попробовать, — возразилъ онъ, — хотя, конечно, довѣрять нельзя...

Король вздохнулъ, и замолчалъ. Весь дворъ, привыкшій къ такимъ перемѣнамъ въ своемъ государѣ, сейчасъ-же замѣтилъ, что онъ сталъ другимъ и что вчерашній рыцарь превратился чуть ли не въ трусливаго монаха.

Татары не нападали въ этотъ день, казаки тоже держались нѣсколько поодаль.

Янъ Казиміръ по нѣсколько разъ созывалъ къ себѣ тѣхъ, которые могли ему дать обстоятельныя свѣдѣнія объ ордѣ, и наконецъ сказалъ Оссолинскому:

— Татаръ сила великая, помощь намъ не идетъ; если намъ не удастся отклонить ихъ и казаки напрутъ съ другой стороны, то мы будемъ заперты, какъ Збаражцы...

Канцлеръ ничего не отвѣтилъ.

Какъ въ ту памятную ночь пылъ и мужество короля тотчасъ же подѣйствовали на войско и одушевили его, такъ теперь выраженіе лица, движенія, перешептыванія и совѣщанія съ Оссолинскимъ отразились на дворѣ, начальникахъ, и на войскѣ. Сомнѣніе, если не страхъ, закрадывалось имъ въ душу. Съ любопытствомъ высматривали весь этотъ день пословъ, бѣгающихъ между лагерями Исламъ Гирея и королевскимъ. По лицу канцлера трудно было заключить что-нибудь, онъ былъ очень занятъ и, собравъ переводчиковъ и писцовъ, которые хоть сколько-нибудь понимали по турецки и арабски, трудился съ ними. Все что-то писали и переписывали.

Разспрашиваемый со всѣхъ сторонъ канцлеръ не выдалъ себя даже передъ королемъ и только вечеромъ, когда начальники собрались, чтобы обдумать планъ дальнѣйшаго похода на освобожденіе Збаража, — онъ вошелъ со своимъ величественнымъ видомъ, неся въ рукѣ, какъ знамя побѣды, письмо отъ Исламъ Гирея, которое былъ отвѣтомъ, увы, на вопросъ отъ имени сената. Канцлеръ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ, хотя это ему дорого стоило. Онъ старался быть въ письмѣ грознымъ и гордымъ, но самое отправленіе этого письма къ хану ясно обнаруживало ихъ слабость. Татарамъ напѣминали о союзѣ, о подаркахъ, которые имъ давали и которые они называли гарачемъ. Отвѣтъ хана, довольно ласковый, обнаруживалъ согласіе на объясненія съ Рѣчью Посполитой.

Въ ту-же минуту, какъ только принесли это письмо Ислама вмѣстѣ съ переводами на латинскій языкъ, многіе изъ начальниковъ, окружавшихъ короля, которые до сихъ поръ ничего не знали о начатыхъ переговорахъ, единогласно запротестовали. Старые ротмистры и полковники хотѣли идти и сражаться, погибнуть или выдержать осаду, поджидая помощи, окопавшись какъ Вишневецкій подъ Збаражемъ, но выпрашивать у хана

и кланяться татарину — это казалось имъ страшнымъ стыдомъ.

Послѣ минуты молчанія, дѣло дошло до споровъ и острыхъ словъ. Канцлеръ, поддерживаемый королемъ, говорилъ краснорѣчиво.

— Я глубоко уважаю и отдаю должное геройскимъ подвигамъ региментарей въ Збаражѣ, — сказалъ онъ въ концѣ концовъ, — но когда король и войско могутъ избѣжать опасности и можно сберечь христіанскую кровь, я не постыжусь вести переговоры съ ханомъ и заплатить ему. Отклонить его отъ казаконъ, заставить Хмѣля смириться и выпустить осажденных канонъ региментарей, обратить его къ послушанію, если не оружіемъ, то переговорами съ нимъ, — я не буду колебаться.

Король молча поддакивалъ ему. Начальники однако ворчали.

— Лучше честно отдать жизнь, чѣмъ со срамомъ бить челомъ этимъ дикарямъ... Намъ должны служить примѣромъ Збаражцы, которые и до сегодняшняго дня упорно держатся, тогда какъ мы, еще не отомстивши, отступаемъ.

Ихъ не слушали; король и Оссолинскій брали всю отвѣтственность на себя. Одни все еще сердились, другіе начали уже обращать въ шутку свою печаль. Яна Казимира обходили; въ канцлера плевали, издѣвались надъ его умомъ.

Быть можетъ, на Оссолинскаго набросились бы гораздо сильнѣе, если бы не король, который очевидно держалъ его сторону. На этотъ разъ еще уважили его санъ, но много блеску отняло отъ его короны это внезапное охлажденіе. Всѣ такъ обрадовались тому воинственному настроенію, когда король кричалъ, что онъ готовъ пожертвовать жизнью, всѣ были поражены теперь, когда онъ такъ внезапно остылъ.

Нѣкоторые, оправдывая его, сваливали всю вину на всенародное ополченіе, которое шло такъ тихо, что надъ нимъ даже подѣмывались.

Между тѣмъ канцлеръ, ни на что не обращая вниманія, очень ловко велъ одни тайные переговоры, и другіе формальные и открытые. Татары согласились уже на сѣзды и на высылку отъ себя комиссаровъ для веденія переговоровъ. Условливались уже о заложникахъ, о мѣстѣ и времени. Оссолинскій былъ вполне увѣренъ въ побѣдѣ.

Едва все это было сдѣлано, хотя и тайно, казаки сейчасъ-же провѣдали, въ чемъ тутъ дѣло. Они подскочили къ Исламъ Гирею, стараясь удержать его на своей сторонѣ, но ханъ грубо прогналъ ихъ. Весь этотъ походъ стоилъ ему уже не мало, а добычи не принесъ никакой. Онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ королемъ.

На другой день Оссолинскій принесъ королю извѣстіе, что, по всей вѣроятности, за деньги можно будетъ поладить съ татарами. Но ханъ ставилъ тяжелыя, унижительныя условія. Оссолинскій хотѣлъ скрыть ихъ, потому что зналъ очень хорошо, что они возбуждаютъ злобу и возмущеніе. Татары просто требовали позорный гарачъ. Это нисколько не измѣняло самой, сути дѣла, что они хотѣли назвать его подаркомъ—какъ бы платой войскамъ, которыя должны были помогать Рѣчи Посполитой противъ ея враговъ.

Хмѣль, тщетно попробовавъ отклонить хана отъ союза съ королемъ, моментально измѣнилъ тонъ и образъ дѣйствій.

Едва только ханъ началъ условливаться съ Оссолинскимъ объ этомъ гарачѣ, который называли подаркомъ, Хмѣль сейчасъ-же объявилъ, что и онъ, уступая убѣжденіямъ Исламъ Гирея, согласенъ на переговоры, на миръ, на сдачу и присягу вѣрности королю. Онъ зналъ, что этимъ усыпить не очень склонную къ войнѣ шляхту, выиграетъ время для лучшей организаціи, а трактатами этими вовсе не будетъ связанъ. Въ польскомъ лагерѣ никто еще не зналъ побѣды Радзивилла, который нанесъ большое пораженіе казакамъ. Хмѣль былъ уже увѣдомленъ о ней. Онъ понималъ очень хорошо, что король, чтобы при самомъ началѣ своего царствованія похвастаться побѣдой и трактатами, готовъ принять самыя тяжелыя условія. Онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ — и не ошибся въ расчетѣ.

Поворотъ со стороны Хмѣля произошелъ такъ внезапно, что король и канцлеръ, не зная, чему его приписать, приписали все своей ловкости въ переговорахъ съ ханомъ. Оссолинскій приписывалъ это отчасти слухамъ о значительныхъ силахъ поднявшагося ополченія, король — покровительству Пресвятой Дѣвы Маріи Белзкой, которая послѣ Червенской и Ченстоховской пользовалась самымъ большимъ почетомъ. Нѣкоторые въ лагерѣ принимали вѣсть о переговорахъ съ большимъ недоумѣніемъ и по-

дозрительностью. Простымъ хлопскимъ даже умомъ, говорили они, легко понять, что татары и казаки не могли вдругъ, ни съ того ни съ сего, такъ перепугаться; слѣдовательно, подъ этимъ должно что-нибудь скрываться? Другіе, довольные тѣмъ, что скоро вернутся домой, радовались и прославляли короля и канцлера.

— Лишь бы только намъ не привезти домой стыда!—ворчали третьи.

Збаражскіе герои возбуждали зависть. Втихомолку смѣялись надъ премудрымъ канцлеромъ, но онъ, не обращая вниманія на насмѣлки, велъ переговоры до конца. Условій этихъ переговоровъ никто не зналъ, но подозрѣвали, что они лягутъ позорнымъ пятномъ на славу польскаго рыцарства...

Король молчалъ, но лицо его невольно прояснялось. Оссолинскій отдѣлывался пустыми фразами, говоря только, что Рѣчь Посполитая вышла побѣдительницей, и король покрылся славой.

Въ это время Исламъ Гирей первый поздравилъ короля съ побѣдой Радзивилла въ Литвѣ, и извѣстіе это нѣсколько успокоило настроеніе умовъ, потому что объясняло покорность казакѣвъ. Поражало только то, что хану посылали драгоценные подарки и мѣшки, полные золота...

Наконецъ, Хмѣль, полный якобы раскаянія, пришелъ къ королю, палъ передъ нимъ на колѣни, клялся въ вѣрности.

— Чего же вы еще хотите! — кричали, очень обрадованные миромъ. — Збаражъ освобожденъ отъ осады. Казаки приняты на нашу службу... Но болѣе разсудительные отвѣчали:

— Подождите, пока медаль повернется обратной стороной.

Въ это время донесли изъ Збаража, что казаки, дѣйстви- тельно, обязались отступить, но щедрый Оссолинскій обѣщалъ имъ за это подарокъ. Заключенные еще въ окопахъ герои воскликнули въ одинъ голосъ.

— Лучше погибнуть! Не дожидаться вамъ того, чтобы мы обогрившись своей кровью, стали бы за деньги выпрашивать милости у этого мужичья! Вы имъ обѣщали: сами и платите мы мѣднаго гроша не дадимъ!

Всѣ напали на Оссолинскаго и по войску разошлась стыдная поговорка: „Въ Збаражѣ десять татаръ отступали

редь однимъ полякомъ, въ Зборовѣ десять поляковъ бѣжали отъ одного татарина!“ Триумфъ политики Оссолинскаго и короля начиналъ уже превращаться въ позоръ. Король все еще не терялъ бодрости, такъ какъ ему прибавлялъ ее канцлеръ: итакъ, на видъ побѣдоносно, но съ безпокойствомъ въ душѣ, двинулись подъ Глиняны, а изъ Глинянъ въ Львовъ. Янъ Казиміръ довольно скромно и тихо вступилъ въ городъ. Въ войскѣ роптали и смѣялись. Черезъ два дня по городу уже летали съ жадностью переписываемые пасквили: „Веселый день насъ насталъ сегодня! Миръ родился у насъ! „Радуйтесь народы польскій, литовскій и русскій. Ужасная побѣда на бумагѣ... Свѣтлѣйшій князь канцлеръ спасъ отечество. Честь ему и слава!

„Статьи договора съ татарами:

„Между Исламъ Гиреемъ, ханомъ татарскимъ, и наслѣдниками его и между королемъ польскимъ и его наслѣдниками навѣки будетъ миръ и дружба.

„Его величество король польскій его величеству хану будетъ ежегодно платить дань въ Каменцѣ, а ханъ, когда ему вздумается подышать свѣжимъ воздухомъ, побѣдетъ въ Варшаву, чтобы присутствовать на представленіи комедіи въ замкѣ.

„Чамбулы, грабежъ людей и скота, если бы таковые и случились, король не долженъ обращать на это вниманія, ни жаловаться и это не будетъ портить взаимной дружбы.

„Татарскія войска уйдутъ отъ Збаража и изъ границъ Рѣчи Посполитой, когда имъ вздумается, а хотя бы по дорогѣ и совершили какіе-нибудь грабежи, войска Рѣчи Посполитой не имѣютъ права преслѣдовать ихъ за это.

„Татары Крымскіе, Ногайскіе, Пемруцкіе, Будяновскіе, Чернаскіе, Мультианскіе, Семиградскіе, Турецкіе, Румельскіе, полки орды и другіе народы — свободно будутъ хозяйничать въ польшѣ и разгуливать безпрепятственно...

„По ходатайству его величества хана, войско Запорожское сообщаетъ королю польскому свои обиды, претензіи, оскорбленія и сообщаетъ все забыть“.

„Статьи договоры съ казаками:

„Всѣ давнишнія привилегіи войска Запорожскаго король возвращаетъ и скрѣпляетъ это грамотой.

„Комплектъ Запорожскаго войска долженъ быть 40,000, но

заглядывать въ реестры и провѣрять ихъ никто не имѣеть права.

„Наборы свои паны казаки свободно могутъ производить во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ и слободахъ, и хотя бы они бунтовали подданныхъ и тайкомъ производили наборы, — на это будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

«Зимнихъ квартиръ, постоевъ и солдатскихъ контрибуцій, въ мѣстахъ и земляхъ, назначенныхъ для казаковъ, Рѣчь Посполитая своимъ войскамъ назначать не смѣетъ...

„Чины и званія въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ, Черниговскомъ никому не будутъ раздаваться, кромѣ благодѣтельныхъ людей.

«Казаки, хотя бы измѣняли девять разъ и болѣе — все имъ будетъ прощено и останется безнаказаннымъ“.

Такіе и еще худшіе пасквили каждый день подбрасывали канцлеру, да и король находилъ ихъ въ своихъ покояхъ; разъ даже, сунувъ руку въ карманъ, онъ нашелъ тамъ позорный пасквиль на канцлера, который сейчасъ-же и сжегъ, не показавъ никакого вида.

Но не было недостатка и въ льстецахъ, которые какъ Оссолинскаго, такъ и Яна Казимира благодарили за Зборовскіе трактаты, называя ихъ спасительными для Рѣчи Посполитой.

Въ пріобрѣтенію расположенія шляхты присоединилось и еще одно обстоятельство, незначительное, но дѣйствующее гораздо успѣшнее, чѣмъ самыя славныя побѣды.

Король съ дѣтства всегда одѣвался по-нѣмецки, по-шведски, однимъ словомъ — по европейской модѣ, а кунтуша и жупана не надѣвалъ ни разу въ жизни. Подаль-ли ему кто эту мысль, или она сама пришла ему въ голову, — но только онъ тайкомъ приказалъ во Львовѣ приготовить нѣсколько костюмовъ, богатыхъ и красивыхъ, и въ одинъ прекрасный день, одѣвшись по-польски, поѣхалъ въ костелъ. Это чуть-было не надѣлало безпорядковъ въ городѣ, потому что тѣ, которые видѣли, не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, тѣ, которые рассказывали, были осыпаны насмѣшками, и толпы любопытныхъ бѣгали посмотреть на этого польскаго короля, хотя въ толпѣ слышались ворчливые голоса:

— Платье надѣть легко, а сумѣетъ-ли онъ самъ пропитаться польскимъ духомъ!

Ко всему этому, въ послѣдніе дни пребыванія въ Львовѣ, акъ разъ, когда изъ-подъ Збаража начали прибывать региментары, такъ какъ Хмѣльницкій наконецъ отступилъ, когда началась раздача заслуженныхъ наградъ,—на королѣ явился кунтушъ. Возвращающіеся изъ збаражскихъ окоповъ приносили съ собой большую обиду и на ополченіе, и на Оссолинскаго, и на короля; и неудовольствіе это увеличилось еще отъ того, что награды начали раздаваться не по заслугамъ, а по совѣтамъ придворныхъ и пріятелей. При раздачѣ наградъ обидѣли самаго выдающагося героя Іеремію Вишневецкаго, а о другихъ и вовсе позабыли.

Почти каждый день можно было на улицахъ Львова встрѣчать возы, на которыхъ тихо и безъ всякихъ торжественныхъ церемоній выѣзжали оборванные, обвязанные Збаражцы, и никто ихъ не привѣтствовалъ. Сами они горько улыбались своей участи и подшучивали надъ своей судьбой, но честное воинство оказывало имъ большое уваженіе. Тѣснились къ нимъ все, съ жадностью слушая рассказы объ этой трагедіи, о которой можно было пѣть цѣлыя поэмы.

Стжембошъ, который въ отрядѣ Конецпольскаго имѣлъ пріятеля и свояка, знаменитаго рубаку Станислава Ксензкаго, съ великою радостью узналъ, что этотъ воинъ, сильно, но не опасно раненый, какъ разъ прибылъ во Львовъ и лежалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими Збаражцами въ одномъ старомъ домикѣ. Лишь только Сташекъ (такъ его называли, хотя онъ уже начиналъ сѣдѣть) извѣстилъ Дызму, какъ тотъ сейчасъ-же прибѣжалъ къ нему.

Ксензкій съ другими занималъ огромную, закоптѣлую отъ дыма избу, съ маленькими окнами, въ которой подъ одной стѣной было навалено сѣно, покрытое войлоками, и здѣсь-то расположились по солдатски эти бѣдняки, которымъ послѣ Збаража эта берлога казалась роскошнѣйшимъ дворцомъ.

Ихъ было трое раненыхъ: Сташекъ Ксензкій, Мацей Бродовскій и Сильвестръ Гноинскій, но мѣсто хватило для всѣхъ и даже для мѣшковъ, сѣделъ, збруи и оружія, занимавшихъ цѣлый уголъ. Въ огромной печкѣ прислуга готовила пищу и отогрѣвала пластыри. Скамьи должны были служить столами лежащимъ на землѣ.

Страшно было взглянуть на этихъ воиновъ, которые скорѣе походили на трупы, чѣмъ на живыхъ людей. Это не мѣшало имъ смѣяться и подшучивать, и изба съ утра до вечера была наполнена любопытными, и смѣхъ не умолкалъ ни на минуту; въ особенности смѣшилъ Ксензкій.

Войдя въ избу, Стжембошъ засталъ оживленный разговоръ Стапка съ однимъ изъ-подъ Зборова, изъ свиты Оссолинскаго, который, конечно, держалъ сторону своего господина и защищалъ честь короля и тѣхъ, которые были подъ Зборовомъ. Это былъ нѣкто Збоинскій, *simplex servus Dei*, но хорошій солдатъ и честный человѣкъ.

Едва поздоровавшись съ Дызмой, Ксензкій, пригласилъ его сѣсть на лавку и продолжалъ спорить съ Збоинскимъ.

— Збой мой, — кричалъ онъ тоненькимъ хриплымъ голосомъ, — неужели ты думаешь, что я наши заслуги въ Збаражѣ ставлю выше вашихъ? Ошибаешься! Что-же мы сдѣлали? Бѣли лошадиное мясо, мышей, котовъ, пили вонючую воду изъ-подъ труновъ, не спали, умирали отъ голода, но мы только спасли свою честь, а король съ Оссолинскимъ пришелъ подъ Зборовъ, получилъ нахлобучку, и на другой же день объявилъ себя побѣдителемъ, заплативъ татарамъ! Развѣ это не ловкая штука? Каждый служить отечеству, какъ можетъ: одинъ приносить кровь и жизнь, другой свою хитрость и жидовскій разумъ!

Збоинскаго покорило.

— Да я не отнимаю славы у збаражскихъ героевъ, — вскричалъ онъ.

— А мы, какъ Богъ святъ, возразилъ Ксензкій, — мы требуемъ отъ васъ только, чтобы вы соблаговолили поставить насъ наравнѣ съ вами! Про себя, что я раненъ, я не говорю; я самъ виноватъ, потому что ночью пробрался въ середину казаковъ и нѣсколько отиравилъ на тотъ свѣтъ узнать у св. Петра, пускаютъ ли на небо казаковъ, а подъ конецъ и меня одинъ хватилъ тоже, за что Бродовскій убилъ его: по дѣломъ мнѣ; но жаль мнѣ тѣхъ добрыхъ товарищей, которые уже не вернутся изъ Збаража. Такого, на примѣръ, Тжебинскаго, поручика пана Мышковскаго, который дрался какъ левъ, а во время битвы пѣлъ, такъ что мы росли духомъ, слушая его; такого Ягельницкаго, хорунжаго пана Збротка, который такъ разговаривалъ съ казаками, что

любо было слушать; такого честнаго Бернахи, капеллана нашего Зайбовскаго, котораго во время обѣдни, какъ разъ послѣ причастія, когда онъ обратился къ намъ, пушечное ядро отправило на тотъ свѣтъ съ чистой душой; такого Сѣриковскаго, военнаго писаря, Сильницкаго, Зброжка, старосты Пжалынскаго, которые смертию доказали свою любовь къ Рѣчи Посполитой.

Смущенный Збоинскій хотѣлъ было возражать, но разгорячившійся Ксендзскій не далъ ему говорить.

— Мы, прибывшіе во Львовъ, жалкіе остатки, а тутъ уже трубятъ славу канцлера и короля, что они одержали побѣду, что спасли отечество, а намъ Збаражцамъ едва только позволили напомнить, что и мы тоже кое что сдѣлали и чего-нибудь да стоимъ.

— Дорогой мой дядя—прервалъ Дызма—не упрекайте ни короля, ни насъ, которые были съ нимъ, что мы приписываемъ себѣ слишкомъ многое. Вы дрались какъ львы и держались дольше; никто у васъ этого не отнимаетъ.

— Наконецъ, — разсмѣялся Ксензскій, — канцлеръ хотѣлъ, чтобы мы заплатили казакамъ за то, что они не съѣдятъ насъ! Надо было видѣть и слышать, какъ это приняли у насъ въ лагерѣ, и не пожелалъ бы я пану канцлеру находиться тогда между нами!

Черезъ минуту все успокоилось, и Ксензскій по прежнему началъ шутить. Досталось и Дызмѣ, который, конечно, не сталъ съ нимъ спорить, но короля все таки защищалъ.

— Король!—прервалъ его Ксензскій.—Мы, люди пожилые, давно его знаемъ. Хоть онъ и подпоясалъ саблю, она не сдѣлаетъ изъ него солдата, а кунтушъ не сдѣлаетъ его полякомъ. Набожный государь, словъ нѣтъ, но пойдетъ такъ, какъ его поведутъ.

Дызма съ любопытствомъ началъ спрашивать Ксензскаго о Збаражѣ.

— Что-жъ ты думаешь, — отвѣчалъ онъ, — что о Збаражѣ можно сдѣлать донесеніе въ двухъ, — трехъ словахъ, какъ о зборовскомъ договорѣ? Намъ, которые были тамъ, если бы пришлось это описывать, такъ на всю жизнь хватило бы работы. Дня не было безъ какого-нибудь славнаго подвига, ночи не было, чтобы казаки не пробовали пробраться къ намъ или обмануть

насъ. Однимъ глазомъ спалъ человѣкъ, а раздѣваться и не думалъ никогда. Да и не къ чему было, потому что ни укого не было рубахи для перемѣны, а въ одеждѣ постоянно приходилось укорачивать пряжки и петли, — такъ мы съ каждымъ днемъ худѣли. Пули казацкія, сабли ихъ и татарскія стрѣлы, все это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось намъ переносить отъ этой черни, которая, забравшись подъ самые валы, кланялась своимъ панамъ и издѣвалась надъ ними. Хмѣльницкій, убѣдившись, что насъ, добродушныхъ, такъ легко поддѣть, что мы готовы вѣрить всему, каждому слову, подѣзжалъ къ намъ такими гнусными, грубыми способами, что мы должны были стыдиться, что онъ принимаетъ насъ за такихъ дураковъ. То письма, то послы, то какіе-то бѣглецы постоянно являлись къ намъ. Во всемъ нашемъ лагерѣ только одинъ человѣкъ возбуждалъ въ нихъ тревогу и такую ненависть, что имя его приводило ихъ въ бѣшество: князь Іеремія. Только напомнить его, такъ они уже блѣднѣли. Они понимали, что онъ знаетъ ихъ насквозь, что никогда ни въ чемъ имъ не вѣрилъ, не довѣрялъ ихъ покорности и не могъ ихъ простить. Ему одному не посмѣлъ бы взглянуть въ глаза Хмѣль, потому что взглядъ его пронизывалъ до мозга костей, тогда какъ другіе, какъ Кисель, то братались съ нимъ, то умасливали, то льстили, то унижались передъ нимъ, но совсѣмъ не знали его. Не мало бы онъ пожертвовалъ головъ, чтобы только достать Іеремію; ужъ и издѣвался же бы онъ надъ нимъ.

Послѣ Ксензкаго рассказывалъ Бродовскій, кое-что прибавлялъ Гноинскій, и такъ можно бы ихъ слушать весь день и всю ночь; не исчерпался бы ихъ запасъ, такъ какъ трагедія збаражская была богата такими сценами, какихъ не придумаешь самое пылкое воображеніе.

— Говорите, что хотите — заключилъ Ксензкій — а все это пустяки... Пришелъ канцлеръ Оссолинскій, поцѣловался съ Исламъ Гиреемъ, побратался съ казаками и ему одному всѣмъ будетъ обязано отечество. Збаражскіе воины не сдѣлали ничего.

II.

За все время похода, который завелъ Яна Казимира подъ Зборовъ и окончился знаменитымъ договоромъ, Марія Людовика съ лихорадочнымъ любопытствомъ схватывала всѣ новости которыя доставляли ей почти каждый день. Марія Людовика чувствовала, что первый шагъ на полѣ битвы, съ войскомъ, во главѣ рыцарства, рѣшить будущее короля. Поэтому она дрожала и молилась. Со стола ея на сходила карта тѣхъ мѣстностей, которыя король занималъ съ войскомъ, секретарь де-Нуайе отыскивалъ старыхъ людей, которые бывали на Руси и могли о ней сообщить что-нибудь. Тревога овладѣла ею въ особенности тогда, когда отовсюду начали доходить жалобы на слишкомъ вялый сборъ ополченія, надъ которымъ всѣ насмѣхались. Пугали его именемъ казаковъ, но втихомолку шептали, что на него никакъ нельзя разсчитывать.

Поэтому королева разсылала письма къ королю, къ Оссолинскому, къ начальникамъ, которые должны были подталкивать и подгонять отсталые отряды. По костеламъ служили молебны; духовные сообщали разные предсказанія и предчувствія дворъ—свои сны о королѣ, астрологи—различныя знаменія на небѣ. Де-Нуайе въ особенности, по уши углубленный въ астрологическія вычисленія, представлялъ королевѣ много предсказаній, обѣщающихъ самыя благопріятныя послѣдствія этой войны, которая должна была закончиться знаменитымъ миромъ. Королева знала очень хорошо, что не сдѣлаетъ изъ мужа героя, но въ своей жизни она видѣла столько знаменитыхъ мужей, обязанныхъ своей славой пустому случаю, что и для Яна Казимира искусственное достиженіе славы не казалось невозможнымъ. Долго однако этимъ надеждамъ и ожиданіямъ Маріи Людовики не отвѣчали дѣйствія короля, о которыхъ она узнавала. На помощь Збаражу шли какъ-то тихо, а ополченіе и недумало ополчаться. Силы, съ которыми Янъ Казимиръ долженъ былъ идти подъ Зборовъ, были слишкомъ недостаточны для того погрома, о которомъ мечтала королева. О первыхъ столкновеніяхъ ей не дали знать, а послѣ нихъ такъ быстро наступили пере-

говоры съ ханомъ, что королева получила одновременно извѣстія и о готовящемся договорѣ, и о битвахъ, которыя, если-бы даже представлять ихъ себѣ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ, приносили гораздо больше заботъ, чѣмъ радости. Письмо которое возвѣстило что Оссолинскому удалось отвлечь хана отъ казаковъ, королева встрѣтила радостнымъ крикомъ.

— Un coup de maître! — воскликнула она.

Безпокойная, нетерпѣливая, ожидала она послѣдствій переговоровъ, но извѣстіе о нихъ запоздало, а когда наконецъ пришло, восхваляя въ общихъ словахъ дѣло канцлера, Марія Людви́га нахмурилась. Мелькомъ упомянутыя условія давали ей возможность понять и оцѣнить этотъ договоръ, который имѣлъ видъ побѣды, но на самомъ дѣлѣ былъ позоромъ и униженіемъ. Она всплакнула втихомолку, но теперь не оставалось уже ничего, какъ прославлять и превозносить договоръ, чтобы люди не замѣтили, какъ онъ былъ постыденъ. Поэтому превознося канцлера, а съ нимъ вмѣстѣ и короля, въ душѣ Марія Людви́га скорбѣла о такомъ оборотѣ вещей, который надолго обрекалъ короля на его прежнюю роль: человека безъ характера и силы воли.

Въ замѣтъ постарались, чтобы та ночь, въ которую Янъ Казиміръ дѣйствительно доказалъ, что въ немъ еще живетъ рыцарскій духъ, хотя и заглушенный, — выступила въ описаніяхъ и письмахъ съ величайшимъ блескомъ.

Король еще не дошелъ на обратномъ пути до Львова, когда въ Варшавѣ уже появились пасквиль на Оссолинскаго. Въ замокъ принесли ту пародію договора, которая ходила во Львовѣ. Приказали ее истреблять.

Письмо изъ Варшавы посовѣтовало королю нарядиться въ національный польскій костюмъ. Благодаря старанію Маріи Людви́ги, канцлеру и королю готовился торжественный пріемъ, но противъ этого теченія сверху шло гораздо болѣе сильное теченіе снизу, гдѣ прославляли сбаражскихъ мучениковъ и осмѣивали зборовскихъ политиковъ.

Королева вскорѣ убѣдилась, что гораздо безопаснѣе было не превозносить черезчуръ заслугъ короля и канцлера, чтобы не вызвать еще болѣе ядовитыхъ насмѣшекъ:

Изъ писемъ мужа она убѣждалась, что совершенно усно-

коенный тѣмъ, чего ему удалось добиться, онъ довольно равнодушно относился къ лаврамъ и триумфамъ. Онъ толковалъ уже о мирѣ, объ охотѣ и о своихъ карликахъ.

Какая-то необходимость заставила Яна Казимира выслать впередъ въ Варшаву Дызму, который съ великой радостью взялъ на себя порученіе летѣть въ столицу. Онъ везъ письма къ королевѣ, но въ умѣ рѣшилъ, что воспозуется этимъ удобнымъ случаемъ и добьется свиданія съ Біанкой. Дызма не былъ доволенъ ни собой, ни королемъ, ни походомъ. Онъ надѣялся прославиться превратиться въ рыцаря и все это ему не удалось. Напрасно онъ напрашивался, предлагалъ свои услуги, всегда его отсылали куда-нибудь въ другое мѣсто, такъ что онъ даже и пороху мало понюхалъ. Онъ возвращался въ Варшаву такимъ же; какимъ выѣзжалъ изъ нея.

Всѣ эти черныя мысли однако разсѣялись, когда, подъѣзжая къ городу, онъ увидалъ башни замка, черныя стѣны костела св. Яна, любимую Вислу—почувствовалъ въ груди тотъ воздухъ, котораго ему вездѣ не доставало.

Едва соскочивъ съ коня во дворъ замка, не успѣвъ даже оправиться, Дызма получилъ отъ м-ле Ланжеронъ, которая первая увидала его изъ окна, и узнала, приказаніе, чтобы онъ немедленно такъ, какъ стоялъ, поспѣшилъ къ королевѣ.

Онъ долженъ былъ повиноваться.

Государыня уже ждала его и, взявъ письма, сейчасъ же подошла къ окну, чтобы мелькомъ прочесть ихъ.

Стжембошъ издали замѣтилъ, какъ брови ея сдвинулись, губы сжались, какъ дрожали руки, когда она перевертывала страницы, исписанныя крупнымъ почеркомъ короля. Потомъ она быстро скомкала письмо и подошла къ посланному.

Дызма очень плохо говорилъ по-французски и черезъ нѣсколько минутъ его очень деликатно и вѣжливо отпустили.

Едва онъ вышелъ за порогъ, какъ его окружили придворные и, не давая отдыха, потащили въ горницу, предназначенную для него, гдѣ онъ хотѣлъ переодѣться и отдохнуть. Но это оказалось невозможнымъ. Руководимые собственнымъ любопытствомъ и подосланные королевой, его такъ окружили пріятелями, знакомыми, товарищами, что онъ и подумать не могъ объ отдыхѣ. Накормили его и напоили, но зато закидали тысячью

вопросовъ. Дымза прославлялъ государя и превозносилъ всѣхъ, кто его сопровождалъ, не забывая и о себѣ, но онъ почувствовалъ въ предлагаемыхъ вопросахъ, замѣтилъ по двусмысленнымъ улыбкамъ, что и здѣсь въ замкѣ не совсѣмъ-то уже вѣрили въ великіе подвиги и побѣды короля. Поэтому, ему пришлось повторить то, что онъ уже слышалъ собственными ушами отъ партизановъ и защитниковъ канцлера и короля (что позднѣе говорилъ на сеймѣ и самъ Оссолинскій), что побѣда, одержанная подъ Зборовомъ, гораздо важнѣе и славнѣе, чѣмъ знаменитая Хотимская побѣда при Сигизмундѣ III. Всѣ ему разсмѣялись въ глаза. Онъ покраснѣлъ и замолчалъ.

Пѣтухи уже пѣли, когда Дымза упалъ наконецъ на кровать и заснулъ такъ крѣпко, что проснулся только около полудня. Ему очевидно не везло, потому что онъ проспалъ самое удобное время, когда онъ могъ бы встрѣтить свою возлюбленную въ костелѣ, или возвращающуюся изъ костела. Поэтому ему приходилось искать другой способъ, чтобы проникнуть въ домъ къ Бертони.

Нѣсколько оправившись и принарядившись, къ вечеру направился онъ въ Старый городъ. Ему показалось, что онъ смѣло можетъ злоупотребить королевскимъ именемъ, такъ какъ Янъ Казиміръ былъ очень снисходителенъ къ любовнымъ интрижкамъ своихъ придворныхъ и, оттакавъ за уши, прощаль. Поэтому онъ прямо и смѣло вошелъ въ домъ, въ окнахъ котораго онъ тщетно искалъ знакомое личико. Правда, Бертони запретила ему показываться ей на глаза, но Дымза шелъ съ вымышленнымъ поклономъ отъ короля, а потому рассчитывалъ, что она не можетъ его выгнать. Дерзко ворвался онъ въ переднюю и собирался уже войти въ гостиную, когда открылись двери и старая, накрашенная Бертони привѣтствовала его крикомъ.

— Я являюсь прямо изъ лагеря, — проговорилъ Дымза не давая ей сказать слова. — Король приказалъ мнѣ кланяться вамъ и паннѣ Біанкѣ. Поэтому, хоть мнѣ запрещено сюда показываться, но приказаніе государя пересиливаетъ все.

Бертони стояли съ открытымъ ртомъ. Она знала очень хорошо, что Дымза вралъ, но любопытство сжигало ее. Ей хотѣлось бы что-нибудь узнать, но Стжембоша она ненавидѣла. Она колебалась. Ввести его и дать ему возможность видѣть

Біанку она не хотѣла ни за что на свѣтъ. Дымза между тѣмъ подходилъ къ ней ближе, какъ бы принуждая ее ввести его въ гостиную. Бертони заслоняла собой двери.

— А! вотъ такъ гостепріимство! — проговорилъ Дызма. — Королевскаго посла держать въ передней и не дать ему переступить порогъ!

Итальянка разсердилась.

— Что-же ты мнѣ принесть отъ короля? — спросила она.

— Привѣтствіе, поклонъ, — сказалъ Дызма, — и обѣщаніе, что, возвращаясь въ Варшаву, король привезетъ гостинца.

Бертони покачала головой.

— Слѣдовательно, посольство выполнено, — проговорила она. — Ступай, братецъ, откуда пришелъ, кланяйся королю и будь здоровъ.

Стжембошъ стоялъ неподвижно. Изъ-за старой итальянки, сквозь полуоткрытыя двери, показалось ему улыбающееся личико. Оно привѣтствовало его игривой улыбкой.

— Такъ что я даже не буду имѣть счастья поклониться отъ короля паннѣ Біанкѣ? — проговорилъ онъ. — Его величество приказалъ мнѣ самому лично исполнить порученіе.

Изъ-за плечъ матери, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣха, фыркнула Біанка. Бертони съ гнѣвомъ обратилась къ ней, желая заставить ее уйти; она сдѣлала за ней нѣсколько шаговъ, а тѣмъ временемъ Дызма проскользнулъ черезъ двери и стоялъ уже по срединѣ комнаты.

— У меня есть поклонъ отъ короля и паннѣ Біанкѣ, — сказалъ онъ, весело подходя къ ней и не обращая вниманія на отчаянные жесты итальянки. — Король, увѣчанный лаврами, возвращается домой. Господь Богъ помогъ ему. Татары сами на колѣняхъ пришли просить мира, а Хмѣль цѣловалъ его ноги.

Бертони, слушая это, невольно забыла о томъ, что Стжембошъ силой ворвался сюда. Біанка-же, повидимому, не обращала никакого вниманія на гнѣвъ матери и смѣло смотрѣла на него, кокетливо ему улыбаясь.

— Когда-же возвращается король? — спросила дѣвушка.

— Очень скоро, — сказалъ Дызма. — Послѣ трудовъ ему необходимо отдохнуть.

Разговоръ, казалось, собирался продолжаться, но итальянкой снова овладѣла ярость. Не оборачиваясь уже къ гостю, она схватила дочь за плечи и погнала ее, смѣющуюся и слегка сопротивляющуюся, къ другимъ дверямъ, которыя заперла за ней на ключъ. Дызма смотрѣлъ на все это, вздыхая. Итальянка взбѣшенная всей этой сценой, обратилась къ нему.

— Видалъ?— живо начала она.—Такъ помни же, что къ какой-бы хитрости ты не прибѣгнулъ, какъ-бы ни подкрадывался, какъ-бы ни набрасывался, если бы даже ты имѣлъ на своей сторонѣ короля, никогда я не позволю тебѣ приблизиться къ моему ребенку. Руки коротки! Это сенаторскій кусочекъ! Понимаешь?

— Отлично!—возразилъ Дызма,—но я такой отчаянный, что даже сдѣлаться сенаторомъ не кажется мнѣ невозможнымъ; значить, я не вижу ничего невозможнаго и въ томъ, чтобы приблизиться къ паннѣ Біанкѣ.

— Жди-же, пока сдѣлаешься сенаторомъ, чтобы снова явиться ко мнѣ!—воскликнула она, загораживая ему дорогу и торопя къ выходу.—Если эта старая сморщенная француженка Ланжеронъ выходитъ замужъ за плоцкаго кастеляна—понимаешь? то за кого-же должна выйти молодая, красивая,—ну, и не безъ гроша за душой,—Біанка! А что-же ты такое въ сравненіи съ нею? И ты думаешь, что я тебѣ позволю здѣсь вертѣться, чтобы люди, Богъ знаетъ, что подумали?

— Что касается, Ланжеронъ,—серьезно отвѣчалъ Дызма.—святая правда, что она вся въ морщинахъ и не первой молодости, но королева будетъ ея пріемной матерью и кастелянъ Плоцка быстро превратится въ какого-нибудь воеводу или старосту. Отъ этого и морщины не такъ замѣтны!

— А ты думаешь,—вскричала Бертони,—что я у своего короля не выхлопочу тоже воеводства для мужа Біанки?

Дызма началъ покручивать свой усь.

— Будемъ-же говорить откровенно,—съ улыбкой началъ онъ.—Король ни воеводствъ, ни другихъ мѣстъ не роздаетъ. Онъ избавился отъ этихъ хлопотъ, сваливъ все на королеву. Я говорю—хлопотъ, потому что, какъ только откроется какое-нибудь мѣсто, сейчасъ-же является десять претендентовъ, изъ которыхъ девять дѣлаются врагами. Поэтому, король, хоть и

очень расположенъ къ вамъ, но не дастъ ничего, потому что ему нечего раздавать. Не рассчитывайте на это. А чтобы королева дала приданое паниѣ Біанкѣ? гмъ! въ этомъ я сомнѣваюсь...

Оскорбленная Бертони подбоченилась, глаза ея засверкали.

— Ну, такъ я сама дамъ ей приданое,—воскликнула она, со злости топая ногой.—Королева заставляетъ платить ей за мѣсто, такъ найду и я на что купить!

— Тсъ!—сказалъ Дызма, прикладывая къ губамъ палецъ.—Можетъ быть, королева и приметъ подарокъ, если ей предложить, но говорить о томъ, что воеводства и другія мѣста продаются—не годится. А что если-бы это дошло до ушей королевы?

Гнѣвнымъ взоромъ смѣрила итальянка Стжембоша.

— Ты прочелъ мнѣ нотацію,—сказала она—Ну, посольство выполнено, и потому—мое вамъ нижайшее, и чтобы ваша милость больше сюда не являлась. Пожалуйте, пожалуйте!

— Въ домъ, дѣйствительно, не приду,—спокойно возразилъ Дызма:—потому что вы меня такъ нерадушно принимаете; но предупреждаю, ибо я ничего не хочу дѣлать измѣннически, что около дома или вообще гдѣ-нибудь буду стараться встрѣтить Біанку; я долженъ бродить здѣсь и не перестану. Я откровененъ. Улица свободна для каждого, даже для трубочистовъ. Такъ что вашей милости придется запереть свою дочку на ключъ, что для молодой дѣвушки и непріятно, да и нездорово...

Доведенная до крайности нахальными и дерзкими шутками Дызмы, итальянка подскочила къ нему, ударила его по спинѣ и толкнула къ дверямъ.

— Не заботься ни обо мнѣ, ни о моей дочери,—воскликнула она,—и заруби себѣ на носу, что она не для тебя.

Стжембошъ, не сопротивляясь, позволилъ себя вытолкать за дверь, обернулся къ ней, вѣжливо поклонился и, улыбаясь, сказалъ:

— Цѣлую ваши ножки; не замедлю сообщить королю о томъ приѣмѣ, который меня здѣсь встрѣтилъ.

Бертони, безъ всякаго отвѣта, съ трескомъ захлопнула двери передъ его носомъ. Стжембошъ медленными шагами на-

правился изъ передней къ лѣстницѣ. Рядомъ съ главнымъ входомъ находились другія двери, поменьше, ведущія въ жилые покои. Онъ нашелъ ихъ полуоткрытыми и пара чудныхъ глазъ смотрѣли изъ-за нихъ. Онъ подскочилъ къ нимъ.

— Королева моя! О! моя королева!—воскликнулъ онъ:— дай хоть ручку поцѣловать, хоть одинъ пальчикъ!

Одинъ бѣленькій пальчикъ показался въ дверяхъ и уста Дызмы прильнули къ нему, но пельзя было ручаться, не выскочили-ли и другіе—раздался смѣхъ... двери быстро захлопнулись.

Отдохнувъ денекъ, Дызма пошелъ къ королевѣ, съ вопросомъ: не прикажетъ ли она ему отвезти королю какой-нибудь отвѣтъ. Здѣсь его на нѣкоторое время задержали, наконецъ, вышелъ къ нему секретарь и объявилъ, что Марія Людви́ка ожидала вскорѣ пріѣзда государя, такъ что Дызмѣ предоставляли выборъ: остаться здѣсь или ѣхать обратно безъ писемъ.

Не считая себя очень необходимымъ королю и желая свободно отдохнуть, Дызма послѣ нѣ котораго размышленія остался въ замкѣ и занялся только тѣмъ, чтобы было готово къ торжественной встрѣчѣ.

Въ замкѣ и въ городѣ, ежедневно сталкиваясь съ разными людьми, которые съ любопытствомъ слушали его рассказы о Зборовѣ,—Стжембошъ могъ убѣдиться, что эта побѣда, которую онъ сравнивалъ съ хотимской и этотъ знаменитый договоръ—не очень-то здѣсь уважали, такъ что Стжембошъ не могъ здѣсь разыгрывать роли героя, но каждый день спорилъ, что подъ Зборовомъ король и всѣ остальные исполнили свой рыцарскій долгъ.

— О договорѣ я ничего не знаю,—прибавлялъ онъ,—хорошъ онъ или дуренъ — не мое дѣло судить объ этомъ, но если Збаражцы хвастаются своимъ бернардиномъ, убитымъ во время обѣдни, такъ и у насъ есть Лисецкій, который палъ на полѣ битвы, и у насъ было много хорунжихъ и ротмистровъ, которые стояли грудью и смертью заплатили свой долгъ отечеству.

Однако черезъ нѣсколько дней загрустилъ Дызма, что въ Варшавѣ ни канцлеръ, ни король не встрѣтятъ такого пріема, на какой они рассчитывали. Оссолинскаго, который ужъ и такъ

создалъ себѣ много враговъ своею гордостью и рѣзкимъ обхожденіемъ, всѣ упрекали, что онъ заплатилъ татарамъ, а казакамъ далъ все, что они хотѣли, такъ что вмѣсто наказанія за бунтъ, они еще были даже награждены.

— Испробовавъ,—говорили въ Варшавѣ,—что бунтъ такъ хорошо оплачивается, отчего-бы яснымъ панамъ запорожцамъ не попробовать возстать и второй разъ?

Другіе уже голову на отрѣзъ давали за то, что Хмѣльницкій, нисколько не боясь присяги, лишь только соберется съ силами, снова примется за свою роль. Ходилъ и тотъ слухъ, что Хмѣль громогласно заявлялъ будто-бы покойный Владиславъ IV самъ подстрекалъ его къ возмущенію противъ пановъ и шляхты. Мазуры уже поговаривали, что слѣдовало бы казнить винозника этого возмущенія. Поэтому, пока король прибылъ сюда изъ Львова, зборовскій триумфъ уже сильно поблекъ, объ немъ говорили съ ироніей, и о торжественномъ приѣмѣ побѣдителей не могло быть и рѣчи.

Стжембошъ рѣшилъ уже, что онъ можетъ отдыхать спокойно, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день, его позвали къ королевѣ. Еще въ передней французикъ пажъ шепнулъ ему, что онъ получить письма къ королю.

— Но государь навѣрное уже находится на пути въ Варшаву!—возразилъ Дызма.

Королева вышла сама съ письмомъ въ рукѣ.

— Поѣзжай немедленно,—сказала она.—Быть можетъ, ты встрѣтишь короля гдѣ нибудь по дорогѣ. Все дѣло только въ томъ, чтобы онъ получилъ эти письма до своего прибытія въ Варшаву.

Такимъ образомъ, Дызма совершенно неожиданно долженъ былъ снова сѣсть на коня и пуститься въ путь. Передъ этимъ однако, не забывая и о своихъ дѣлахъ, онъ рано утромъ побѣжалъ къ Доминиканамъ, чтобы проститься тамъ съ Біанкой или встрѣтить ее на обратномъ пути; Біанка шла со старой экономкой, которая не мѣшала Дызмѣ говорить со своей возлюбленной показывая видъ, что она ничего не видитъ и не слышитъ. Прямо отъ Доминикановъ, Стжембошъ сѣлъ на коня и пустился въ путь, на которомъ онъ надѣялся встрѣтить короля. И дѣйствительно, на другой же день онъ наткнулся, если

и не на самого Яна Казимира, очень медленно подвигавшагося по дорогѣ къ столицѣ, то на стражу, которая увѣрила его, что король въ этотъ-же вечеръ будетъ въ деревнѣ на ночлегѣ. Ему посовѣтовали ожидать его здѣсь.

Деревня эта, называемая Золотой Волей, не имѣла господскаго дома, потому что хозяинъ никогда здѣсь не жилъ, но приходъ былъ богатый, домъ священника каменный, а такъ какъ Янъ Казимиръ былъ очень набоженъ, то онъ обыкновенно останавливался въ монастыряхъ и въ домахъ ксендзовъ. Дызма остался въ Волѣ.

Былъ уже вечеръ, а ксендзъ все еще возился около костела, чтобы приготовить удобное мѣсто для короля, когда Дызма замѣтилъ сидящаго на порогѣ старца, котораго онъ узналъ и вспомнилъ, какъ онъ разъ попался на глаза королю во время пути изъ Кракова въ Варшаву и привелъ его въ такое скверное настроеніе. Поэтому онъ хотѣлъ постараться отстранить этого Бояновскаго, чтобы онъ не мучилъ короля своими предсказаніями. Прежде всего онъ обратился къ ксендзу, который давно уже зналъ набожнаго старичка, но тотъ наотрѣвъ отказалъ.

— По какому праву могу я запретить набожному пилигриму, — сказалъ онъ, — оставаться здѣсь и показаться государю, если самъ Богъ вдохновилъ его на это? Это мужъ, извѣстный всей Рѣчи-Посполитой, какъ челоуѣкъ богобоязненный, и я не имѣю надъ нимъ власти.

Дызма, ничего не добившись, самъ пошелъ къ Бояновскому и привѣтствовалъ его по христіанскому обычаю. Старецъ въ это время молился и не отвѣтилъ ему ничего, пока не кончилъ молитвы.

— Вы изъ королевской свиты? — спросилъ онъ его.

— Я ожидаю здѣсь государя, — возразилъ Дызма. — А вы?

— Я? — отвѣчалъ старецъ. — Я никого не жду, но и ни отъ кого не убѣгаю.

— Миѣ кажется, — сказалъ Дызма, — я разъ уже васъ видѣлъ, когда мы съ королемъ возвращались изъ Кракова. Государь говорилъ съ вами, а потомъ ходилъ нахмуренный и грустный...

Бояновскій не отвѣтилъ ничего.

— Вы, можетъ быть, думаете опять встрѣтиться здѣсь съ королемъ?—спросилъ Стжембошъ.

— Не знаю, что Богъ дастъ,—медленно началъ старикъ.— Я не ищу его, но и бѣжать передъ его величіемъ не думаю.

— Нашъ государь возвращается побѣдителемъ,—прибавилъ Дызма.—Не забудьте же поздравить его съ этимъ.

Бояновскій молчалъ.

Тщетно попробовавъ вытянуть что нибудь у старца, Стжембошъ наконецъ долженъ былъ отойти, сконфуженный его гордымъ молчаніемъ.

Въ это время по дорогѣ что-то задвигалось и свита Яна Казимира приблизилась къ дому ксендза, ожидавшаго короля со святой водой и святыми Дарами.

Король вышелъ изъ кареты довольно веселый и, поцѣловавъ чашу, вошелъ въ домъ, но, увидавъ стоявшаго у дверей Дызму, сейчасъ-же подозвалъ его къ себѣ и жадно схватилъ письма королевы. Онъ не разспрашивалъ о нихъ Дызму, а спросилъ только о здоровьѣ королевы. Дызма успокоилъ его, что онъ ее видѣлъ совершенно здоровой. Немного спустя, по своему обычаю, король, выглянувъ въ окно и, замѣтивъ близко костель, сейчасъ-же изъявилъ желаніе помолиться передъ образомъ Божьей Матери.

Ксендзъ повелъ его. Бояновскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Увидавъ и узнавъ его, Янъ Казимиръ немного убавилъ шаги.

— Замѣчательная вещь,—обратился онъ къ ксендзу—второй разъ въ жизни встрѣчаю я этого старца.

— Это человѣкъ богоугодный, кающійся уже много лѣтъ,—замѣтилъ ксендзъ.—Сегодня утромъ онъ прибылъ сюда.

Король шелъ дальше, а Бояновскій, который читалъ молитвы и своими худыми руками перебиралъ деревянные четки, не поднималъ глазъ; казалось, онъ не видалъ идущихъ.

Когда они прошли мимо него, онъ не всталъ; король вздохнулъ свободнѣе и, преклонивъ колѣни передъ главнымъ алтаремъ, направился къ боковому алтарю Богородицы. Здѣсь долженъ былъ его оставить ксендзъ за молитвой, такъ какъ онъ того потребовалъ, а самъ отправился домой, чтобъ заняться приѣмомъ. Дызма тоже сталъ на колѣни помолиться. По крайней мѣрѣ полчаса продолжалась молитва короля, послѣ чего,

покорно поцѣловавъ землю, онъ вышелъ. На порогѣ все еще сидѣлъ Бояновскій, но четки выпали у него изъ рукъ, голова его была поднята. Король, казалось, колебался, заговорить ли съ нимъ, или пройти мимо, но ему показалось лучшимъ привѣтствовать старца.

— Если я не ошибаюсь,—ласково проговорилъ онъ,—мы уже второй разъ встрѣчаемся, отецъ мой.

— Второй?—возразилъ Бояновскій.—О! нѣтъ, я уже много разъ встрѣчалъ васъ въ теченіе своей долгой жизни и видѣлъ еще подросткомъ, а теперь вѣнчаннымъ мужемъ.

— Благодарите Бога—сказалъ король,—Онъ и Пресвятая Дѣва Марія даровали мнѣ побѣду надъ врагами...

Бояновскій устремилъ на него взоръ и долго глядѣлъ.

— За все, что Богъ далъ,—сказалъ онъ,—слѣдуетъ благодарить Его, но слишкомъ хвастаться побѣдой слугѣ Божьему не годится. Вы объявляете себя побѣдителемъ? Дай Богъ! Но и въ себѣ вы должны побѣдить грѣшника и быть покорнымъ...

— Я все приписываю одному Богу,—отвѣчалъ король покорнымъ тономъ.

— Съ поля битвы вѣетъ новой войной,—какъ бы про себя началъ старецъ.—Толпы непріятелей стоятъ на границахъ. Татаръ вы не побѣдили, а купили. Вы радуетесь и веселитесь, сдѣлавъ своими союзниками враговъ св. Креста. Дай Богъ, чтобы радость ваша не перешла въ горе!

— Богъ милостивъ,—пробормоталъ смущенный Янъ Казиміръ.

— И мстителенъ для тѣхъ, которые упорствуютъ въ своихъ грѣхахъ,—продолжалъ Бояновскій.—Кайтесь и старайтесь исправиться. Передъ вами еще много горя впереди, пока въ концѣ вы откажетесь отъ короны... Богъ съ тобой! Богъ съ тобой!—И какъ бы желая проститься съ королемъ, онъ сдѣлалъ рукой знакъ въ воздухѣ, но послѣднія слова его приковали Яна Казиміра къ порогу. Онъ припомнилъ себѣ пророчество Іосифа изъ Копертына и страхъ объялъ его.

— Молитесь за мою душу,—прибавилъ онъ слабымъ голосомъ,—молитесь...

— Молитва имѣетъ великую силу,—началъ старецъ,—но добрыя дѣла еще больше. Ни одна молитва ихъ не замѣ-

нить, король мой! Вы плачете передъ образами, а они надъ вами плачутъ, ибо часы твоей жизни не ровны и измѣнчивы — бѣлые и черные, чистые и грязные, а съ короля пятна падаютъ на народъ. Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!

Янъ Казиміръ обвелъ вокругъ глазами, какъ-бы ища, не слыхалъ ли кто-нибудь Бояновскаго, но никого не было въблизи и даже испуганный Дызма убѣжалъ.

Король, постоявъ минуту, не промолвивъ ни слова, невѣрными шагами направился къ дому.

Ксендзъ, который съ порога дома смотрѣлъ на возвращающагося короля, замѣтилъ, какъ онъ шелъ неровными и несмѣлыми шагами, задумчивый, съ опущенной головой.

Старецъ даже не посмотрѣлъ на уходящаго, — спокойно перекрестился и снова началъ молиться.

Янъ Казиміръ вошелъ въ домъ, а Дызма, который слышалъ кое-что издали, съ тревогой посматривая на старца, удалился, почти сердясь на него.

II.

Тихо, безъ шума, безъ триумфа, вернулся король въ Варшаву, принятый королевой такъ, какъ будто-бы онъ дѣйствительно былъ побѣдителемъ. Марія Людовика отлично знала положеніе дѣлъ и понимала цѣну заключеннаго договора, но превознося заслуги мужа, она надѣялась пробудить и поддержать рыцарскій духъ. За эту снисходительность и доброту Маріи Людовики Янъ Казиміръ, уже сильно утомленный, заплатилъ только тѣмъ, что встрѣтился съ ней нѣжнѣе, чѣмъ прежде. Она воспользовалась такимъ настроеніемъ короля, чтобы упрочить свою силу и власть; на это не потребовалось большихъ усилій, такъ какъ король радъ былъ свалить съ себя заботы и бремя правленія и взыалить ихъ на плечи корелевы и Оссолинскаго, а самъ по дѣтски забавлялся своими карликами, придворными сплетнями, отчасти охотой и обществомъ прекрасныхъ дамъ, въ которыхъ онъ, поочередно, на короткое время подмѣчалъ какую-нибудь особенную прелесть.

Баждый разъ, когда онъ бывалъ потомъ наединѣ съ Бутлеромъ или даже со своимъ младшимъ любимцемъ, Тизенгаузомъ, онъ всегда дѣлился со ними своими впечатлѣніями.

— Знаешь, староста, — говорилъ онъ по возвращеніи Бутлеру, — послѣ этого похода, послѣ всѣхъ неудобствъ и одиночества, безъ женщинъ, теперь мнѣ и пища вкуснѣе кажется, и всѣ женщины кажутся красивѣе. Королева помолодѣла, а что касается Базановской... это просто чудо — свѣжа, прелестна, и я нисколько не удивлюсь тому, что говорятъ, будто-бы этотъ несносный ломжинскій староста влюбился въ нее.

— Староста ломжинскій? — подхватилъ Бутлеръ, — развѣ онъ одинъ! Многіе пылаютъ къ ней страстью и рассчитываютъ на то, что мужъ ея скоро умретъ.

— Да, правда, — сказалъ король, — я нашелъ его сильно постарѣвшимъ и какъ будто-бы больнымъ, хоть онъ и не создается въ этомъ. Послѣ смерти Владислава я ни разу не видалъ улыбки на его лицѣ, и какъ слышно, все поговариваетъ, что и самъ вскорѣ послѣдуетъ за нимъ...

— Ну, не такъ онъ ужъ плохъ, — проговорилъ староста.

— Нѣтъ, я по лицу вижу, что онъ сильно нездоровъ. Такъ ты думаешь, что ломжинскій староста? Я его выносить не могу.

— Я тоже не люблю его, — сказалъ Бутлеръ. — Я знаю, что онъ настойчивый, довольно ловкій и безстыжій. Такіе люди, какъ онъ, много значатъ въ глазахъ женщинъ...

— Но, — прервалъ Янъ Казиміръ, — я не думаю, чтобы Базановская могла попасться въ сѣти пожилого вдовца. Сохрани Богъ, въ случаѣ смерти Базановскаго, она непременно выйдетъ замужъ, потому что дѣтей они не имѣютъ, а она молода и всѣмъ нравится; но да сохранить ее Богъ отъ ломжинскаго старосты.

— Опасный человѣкъ! — докончилъ Бутлеръ.

Ломжинскій староста, о которомъ шла рѣчь, Іеронимъ Радзеевскій, какъ придворный Владислава IV, былъ хорошо извѣстенъ въ Варшавѣ. Изъ мазовецкой шляхты, незнатнаго рода, онъ только отца имѣлъ на сенаторскомъ креслѣ при Сигизмундѣ III, да и тотъ возвысился главнымъ образомъ благодаря своему гостепріимству и умѣнью нравиться любим-

цамъ короля. Угощеніемъ ихъ и подарками воевода ломжинскій добился сенаторскаго кресла, а сына помѣстилъ при королевичѣхъ.

Тѣ, которые ближе знали молодого Іеронима не особенно хорошо о немъ отзывались. Дерзкій, интриганъ, безстыжій, гордый, не брезгавшій никакими средствами для своего повышенія, онъ не имѣлъ друзей, но кого нужно было превлекать къ себѣ кубкомъ. Со всѣмъ этимъ, однако, когда ему было нужно, въ особенности съ женщинами, онъ умѣлъ такъ обходиться, что его считали опаснымъ. Женясь два раза, онъ гнался только за приданнымъ, а на остальное не обращалъ вниманія. Не богатый самъ по себѣ, такъ какъ отцовскіе Радзеевны не могли хватить на шумную и роскошную жизнь, онъ уже выхлопоталъ себѣ мѣсто ломжинскаго старосты, по смерти женъ получилъ большія имѣнья, и ему пророчили несомнѣнное повышеніе, такъ какъ онъ умѣлъ вездѣ пролѣзть. Около короля Казимира онъ заранѣе старался найти себѣ друзей, что ему до сихъ поръ не удавалось.

По возвращеніи въ Варшаву прибылъ съ поздравленіемъ и Радзеевскій, но король принялъ его очень холодно.

Въ ноябрѣ созванъ былъ сеймъ, который пошелъ совсѣмъ не такъ, какъ бы того желали. Голоса изъ Збаража уже заглушали и затмѣвали славу зборовскаго договора. Пасквили на Оссолинскаго размножались, что также должно было непріятно отозваться на сеймѣ. Чтобы предупредить это, стали вносить менѣе важныя предложенія, затрогивающія интересы отдѣльных земель, раздачи мѣстъ и пр. Притомъ-же сеймъ, какъ и веѣ тогдашніе сеймы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ для сенаторовъ и пословъ Рѣчи Посполитой отличнѣмъ предлогомъ для увеселеній и взаимныхъ угощеній. Въ одинъ день приходились именины, то женились, то мирились враги,—все это вызывало банкеты и празднества. Очень часто бывали приглашаемы король и королева, которые осчастливили своимъ присутствіемъ свадьбы любимыхъ слугъ, хотя иногда Марія Людовика не только не шла сама, но запрещала идти и Яну Казимиру, такъ какъ въ веселой компаніи онъ часто забывался черезчуръ.

Канцлеръ и другіе болѣе вліятельные сановники имѣли на

сеймъ въ обѣихъ палатахъ своихъ людей, которые очень ловко умѣли отклонять непріятные предметы.

Королева издали наблюдала за всѣмъ. Сеймъ дѣйствовалъ уже второй мѣсяцъ, хотя до сихъ поръ трудно было замѣтить плоды его дѣятельности, когда торжественное прибытіе русскаго воеводы, Вишневецкаго, героя, которому всѣ завидовали и по-этому относились непріязненно—взволновало столицу. Герой прибывалъ прямо изъ Збаража, съ большой свитой отборной конницы, торжественно и шумно—какъ знатный магнатъ, ведущій свой родъ отъ литовской династіи. Онъ зналъ очень хорошо, какое отношеніе къ себѣ онъ здѣсь встрѣтитъ; но мужъ непреклоннаго характера не придавалъ этому большого значенія. Представивъ столько доказательствъ своего патріотизма и самоотверженія, давъ себя наконецъ склонить къ примиренію съ княземъ Доминикомъ Заславскимъ, Вишневецкій чувствовалъ себя такимъ чистымъ и свободнымъ отъ всякихъ упрековъ и укоровъ, что смѣло могъ пренебрегать своими мелкими врагами. Такъ онъ и дѣлалъ, но для сенаторовъ, для самаго короля, этотъ строгій, непреклонный, холодный на видъ мужъ, которому невозможно было ничего сдѣлать, былъ очень неудобенъ и нежелателенъ. Король видѣлъ въ немъ своего соперника, который затмѣвалъ его, а Вишневецкій за все то, что онъ выстрадалъ, за огромные убытки, имъ понесенные, такъ плохо былъ вознагражденъ, что въ этомъ сказалось все неудовольствіе двора и государя; и теперь этому обиженному королемъ, но очень высоко уважаемому народомъ мужу надо было взглянуть въ глаза.

Король, который до сихъ поръ былъ въ отличномъ расположеніи духа и веселился у отцовъ іезуитовъ, позволилъ избирать себя протекторомъ, вмѣстѣ съ княземъ Альбрехтомъ Раздивилломъ, который былъ назначенъ его секретаремъ, по приѣздѣ русскаго воеводы, затосковалъ. А тутъ еще и старый другъ, канцлеръ Радзивиллъ, поспорилъ съ Яномъ Казиміромъ. Дѣло шло о пустякахъ, но Раздивиллъ былъ правъ, а когда онъ чувствовалъ себя правымъ, онъ дѣлался упрямымъ. Королю вздумалось приказать Раздивиллу подписать и приложить печать къ декрету по дѣлу виленскаго воеводы съ нѣкимъ Евлашевскимъ.

— Государь.—проговорилъ канцлеръ, прочтя декретъ:—я его подписать не могу.

— Отчего?—порывисто возразилъ король.

— Декретъ писалъ человѣкъ, незнакомый съ литовскимъ статутомъ, и въ немъ есть такіе пункты, которые онъ не допускаетъ.

Начали спорить; Янъ Казиміръ, не привыкшій уважать законъ, хотѣлъ заставить канцлера подписать. Старикъ всякое насиліе было несносно. Наконецъ, король воскликнулъ:

— Не хочешь подписать? Ну, такъ я самъ его подпишу..

Радзивиллъ улыbnлся.

— А кто-же, государь, приложить печать?—спросилъ онъ.

Раздосадованный король пробормоталъ, уходя:

— Литовскій статутъ! Вѣдь и я его такъ-же знаю, какъ и вы.

— Вы меня простите, ваше величество,—холодно сказалъ канцлеръ,—но я съ этимъ не согласенъ. Божьей милостью, вы правите нами только одинъ годъ, а я вотъ ужъ тридцать два года имѣю дѣло съ законами.

Сильно взбѣшенный этимъ отвѣтомъ, не говоря уже ни слова, Янъ Казиміръ вышелъ, хлопнувъ дверью, и, встрѣтивъ Бутлера, сталъ ему жаловаться на канцлера; но староста не вторилъ ему.

До слѣдующаго утра все измѣнилось: король остылъ, приказалъ переписать декретъ и прежнія хорошія отношенія съ Радзивилломъ установились; безъ Евлашинскихъ король отлично могъ обойтись, а безъ Радзивилловъ—ни за что..

Между тѣмъ, съ одной стороны настаивали, съ другой откладывали отчетъ передъ сеймомъ о походѣ и зборовскомъ договорѣ. Многіе готовились къ этому. Объ этомъ совѣщались у королевы, у короля, у канцлера Оссолинскаго, у сенаторовъ, расположенныхъ къ королю—и наконецъ, съ вѣдома Маріи Людвики, безъ которой ничего не могло совершиться, канцлеръ приготовился дать отчетъ.

Оссолинскій имѣлъ на выборъ два пути: или скромно оправдаться въ своемъ поступкѣ необходимостью и стеченіемъ обстоятельствъ, или высоко превознести зборовскую побѣду и свой договоръ, а такъ какъ всеобщее настроеніе отражалось

въ пасквиляхъ, то канцлеръ и рѣшился, на зло, неслыханно высоко превознести эту битву и зборовскій договоръ.

Въ первый день, въ субботу, въ угрюмомъ молчаніи слушали въ сеймѣ отчетъ; никто не возвышалъ голоса. Воскресенье прервало и раздѣлило пополамъ отчетъ Оссолинскаго, который въ понедѣльникъ продолжалъ его и, ободренный молчаніемъ, поставилъ побѣду надъ татарами подъ Зборовомъ выше Хотимской. И это принято было молчаніемъ, но проницательскіе взгляды забѣгали по залѣ. Тогда президентъ всталъ благодарить короля за спасеніе отечества, благодарили вождей, хотѣли благодарить и Киселя, который, рискуя собственной жизнью, ѣздилъ посломъ къ Хмѣлю, но поднялся шумъ. Раздались протесты, но все однако окончилось хорошо, потому что благодарность приносили вообще всѣмъ. Настоящій триумфъ выпалъ на долю литовскаго гетмана Радзивилла, который заранѣе былъ къ нему подготовленъ, такъ какъ приказалъ принести за собой отнятыя знамена и бросилъ ихъ къ ногамъ короля.

Затѣмъ разсуждали объ утвержденіи договора... король былъ очень дѣятеленъ, но по своему. Онъ являлся разсѣянный, слушалъ, принося съ собой уже готовый, заранѣе ему продиктованный отвѣтъ, отдѣлывался поскорѣе отъ важныхъ дѣлъ и останавливался на пустякахъ. Ко всѣмъ его заботамъ теперь прибавилась еще одна. Его всегда очень интересовала красивая Казановская, такъ что онъ долженъ былъ позаботиться и объ ея судьбѣ. Адамъ Казановскій уже нѣсколько недѣль лежалъ въ постели, пораженный параличемъ, почти не въ силахъ ворочать языкомъ, осужденный на неизбѣжную смерть. Будучи бездѣтнымъ, онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ завѣщанія, а теперь ему ужъ трудно было это сдѣлать. Прежде, при жизни, онъ все свое имущество предназначалъ женѣ, но родня караулила его смерть и забрала-бы все его богатство, если-бы король не явился на помощь бѣдной женщинѣ.

Казановскій съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все хуже. Быть выгнанной изъ этого рая, какимъ былъ ихъ дворецъ, лишенной всего, или остаться изъ милости у родни, жена его ни за что не хотѣла. Она дала знать королю, что желала бы его видѣть.

Хотя милость, въ какой у Яна Казимира была прекрасная Казановская, сдѣлала Марію Людвику ея врагомъ, однако король, нисколько не колеблясь, явился утромъ во дворецъ Казановскихъ. Она вышла къ нему, вся въ слезахъ.

— Ахъ, государь, — воскликнула она: — я не осмѣлилась-бы обращаться къ вамъ за этой милостью, но судьба моя, все будущее въ рукахъ вашего королевскаго величества. Адамъ... мужъ мой... лежитъ на смертномъ одрѣ, нѣтъ надежды спасти его; бѣдная вдова останется окруженной со всѣхъ сторонъ непріятелями. Завѣщаніе сдѣлать ему было некогда, а теперь невозможно...

Она всплеснула руками и расплакалась. Король былъ сильно тронутъ.

— Я посовѣтуюсь съ законовѣдами, — сказалъ онъ. — Наверное, можно будетъ что-нибудь сдѣлать, будьте спокойны. Я самъ слышалъ изъ устъ вашего мужа, что онъ хотѣлъ все завѣщать вамъ.

Казановская, оправдывалась тѣмъ, что не жадность руководила ею, но это жилище было для нея полно воспоминаній, а родня грозила сейчасъ-же выгнать ее изъ дворца. Дѣло шло о доказательствахъ любви мужа и т. п.

Вернувшись прямо отъ нея въ замокъ, не зная, что дѣлать, король, какъ обыкновенно, когда ему нужно бывало опытнаго совѣтника, послалъ за Радзивилломъ. Съ этимъ старымъ другомъ онъ почти постоянно ссорился и спорилъ; когда онъ не хотѣлъ уступить королю, то король старался смягчить его, потому что чувствовалъ въ немъ большую поддержку. Канцлеръ, зная хорошо характеръ и темпераментъ короля, дѣйствовалъ съ нимъ очень смѣло. На этотъ разъ Янъ Казимиръ принялъ его очень ласково и заперся съ нимъ на совѣтъ. Радзивиллъ былъ того мнѣнія, что свидѣтельство двухъ положительныхъ мужей, формально написанное, могло замѣнить завѣщаніе. Въ этотъ же день упрощенные королемъ воевода и кастелянъ отъ его имени отправились къ Казановскому, который сохранилъ еще полное присутствіе духа, хотя жизнь уходила отъ него и онъ съ трудомъ уже могъ говорить. Казановскій принялъ ихъ, благодаря государя за его заботливость о судьбѣ жены, и на вопросъ: какъ-бы онъ желалъ распоря-

даться своимъ имуществомъ, отвѣтилъ, — что все, безъ всякаго исключенія, завѣщаетъ женѣ. Воевода черниговскій объявилъ ему, что для того, чтобы его послѣдняя воля имѣла силу, она должна быть сейчасъ-же написана и засвидѣтельствована ими съ приложеніемъ печати, что и было немедленно исполнено. Казановскій проговорилъ еще неяснымъ голосомъ, что теперь онъ умираетъ спокойно...

Такимъ образомъ королю Яну Казимиру была обязана Казановская, что осталась владѣтельницей такихъ богатствъ, а родня мужа не могла уже противиться послѣдней волѣ покойника, объявленной такъ торжественно.

Значительная часть сенаторовъ и многіе послы были на великомъ пиру у архіепископа Лубенскаго въ самый день Рождества, когда слуга пастыря принесъ печальное извѣстіе, что Адамъ Казановскій разстался съ этимъ свѣтомъ. Каждая такая смерть значительнаго сановника въ государствѣ волновала всѣхъ; открывалась ваканція на его мѣсто.

Освободилось мѣсто короннаго маршала; оставалась прекрасная, молодая, богатая вдова, такъ что было о чемъ говорить. Въ продолженіе трехъ дней праздниковъ король и весь дворъ почти цѣлые дни проводилъ за молитвой въ костелѣ, но это не мѣшало хлопотамъ о ваканціяхъ и передняя ксендза де-Флери, Де-Нуайе, даже Ланжеронъ, были биткомъ набиты просителя и ихъ друзьями.

Подъ конецъ сейма, между канцлеромъ Оссолинскимъ и Вишневецкимъ началась вражда, которая произошла отъ неосторожныхъ словъ Оссолинскаго. Началъ онъ въ сенатѣ жаловаться на насквили, терзающіе его славу, на оскорбленія, которыя ему бросались въ лицо, на колкости, которыя ему приходилось переносить, и такъ разгорячился, говоря это, что не только приверженцевъ русскаго воеводы Вишневецкаго, но даже и его самого задѣлъ, указывая на него, какъ на виновника. На другой день Вишневецкій выступилъ противъ этого обвиненія, дѣло дошло до колкостей, до ссоры въ сенатѣ и шума, который тщетно старался умирить король. Оссолинскій слишкомъ увлекался и возстановилъ противъ себя Яна Казимира. Только уже на другой день, благодаря внимательству нѣсколькихъ пословъ, были наконецъ прекращены уп-

реки и жалобы, которые отняли столько времени, что сеймъ не могъ уже закрыться даже въ декабрѣ и заключеніе отложили до будущаго года.

Оссолинскій много портилъ себѣ крови, а серьезнаго и положительнаго воеводу русскаго, который холодно защищался и спокойно оправдывался, эта ссора возвысила въ глазахъ всѣхъ, хотя онъ и такъ стоялъ высоко.

Насталъ новый годъ, службы по костеламъ, а что еще важнѣе — ваканціи, о которыхъ хлопотали, чтобы король сейчасъ-же роздалъ ихъ. Шепотомъ говорили, что королевѣ предложили 100.000 злотыхъ за мѣсто Казановскаго, но здѣсь... стояли на стражѣ Радзивиллы и Любомірскіе. Поэтому, мѣсто это получилъ братъ жены князя Альбрехта, Георгій Любомірскій, генеральный краковскій староста. Начались настоящія торги, да этого и не скрывали. Янъ Казиміръ, по крайней мѣрѣ на видъ, въ нихъ не вмѣшивался; королевѣ подсовывали взятки, которыя достигали иногда сотенъ тысячъ.

Сейчасъ-же послѣ новаго года королева призвала къ себѣ Альбрехта Радзивилла. Она хотѣла дать ему мѣсто старосты борисовскаго, но канцлеръ поблагодарилъ. Въ этотъ-же день бѣдному измученному и заслуженному Киселю дали Новытирь, а племяннику Радзивила Марія Людовика предложила Борисовъ которымъ пренебрегъ его дядя, и въ видѣ прибавки 30.000 въ подарокъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ постарался о томъ, чтобы Рѣчь Посполитая наложила годового дохода съ царства Польскаго 40.000, а съ Литвы 20.000.

Какъ страннымъ кажется, что такой могущественный магнатъ, высокій сановникъ, мужъ славнаго рода могъ такъ плутовать съ королевой? Увы, то были времена такого нравственнаго упадка, такого, можно сказать, безстыдства что это никого не поражало. Каждый безъ жалости и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти рвалъ на клочки несчастную Рѣчь Посполитую, которой не на что даже было содержать войско. Этотъ же самый канцлеръ Радзивиллъ, человекъ самой строгой нравственности, который въ казацкихъ бунтахъ видѣлъ справедливую кару за притѣсненія хлоповъ, ничего возмутительнаго не видѣлъ въ этихъ плутняхъ и самымъ тщательнымъ образомъ занесъ ихъ на страницы своихъ мемуаровъ.

Сеймъ окончился поспѣшно, времени не хватило даже на дѣла первой важности. Одинъ день отняла свадьба Ланжеронъ, фавортики королевы, выданной ею за каштеляна плочкаго, надъ морщинами которой всѣ насмѣхались, другой занялъ переѣздъ, а тѣмъ временемъ казацкіе послы со своимъ митрополитомъ успѣли проникнуться новой ненавистью и присмотрѣться къ тому обществу, которое совершенно не признавало своего опаснаго положенія, и снова гордо подняли голову. При одномъ только упоминаніи о томъ, чтобы принять въ сенатъ митрополита—поднялся страшный крикъ, уже не хотѣли признавать зборовскій договоръ. Такимъ образомъ, сеймъ затянулся до января, утомивъ всѣхъ. Какъ грозное *momento*, явились на его закрытіе казаки со своимъ митрополитомъ—и требованіе ихъ, послѣ долгихъ споровъ, пришлось исполнить.

Съ казаками, повидимому, все было окончено.

Во всемъ своемъ величіи во время этого сейма является королева, всѣ знаютъ и говорятъ, что она управляетъ королевѣмъ,—который веселится, скучаетъ, выходитъ изъ себя, сердится, но не представляетъ ясно ни жизни, ни правленія и не принимаетъ этого къ сердцу. Всѣ пользуются слабостями, короля начиная съ Бертони и кончая самымъ послѣднимъ слугой. При людяхъ, всѣ преклоняются передъ его саномъ, но наединѣ весь дворъ обращается съ нимъ съ поразительной фамиллярностью.

Свадьба Ланжеронъ послужила для Бертони поводомъ къ тому, что она затосковала по своему давно невиданномъ покровителѣ. Она знала о сеймѣ и не лѣзла въ замокъ, но въ новый годъ сочла своей обязанностью напомнить о себѣ и о своей дочери. Но какъ тутъ добраться до короля?

Къ счастью, ей удалось въ Старомъ городѣ дешево купить корзину апельсинавъ, которую она предназначила для подарка къ новому году государю. Но какъ ему поднести? Между старшими слугами замка у нея были, правда, знакомые, но она такъ теперь возвысилась, что не со всѣми хотѣла знатъся.

— Я радовалась, когда онъ сдѣлался королевѣмъ, думала, что извлеку изъ этого какую-нибудь пользу,—говорила про Бертони,—а тутъ и не добьешься до него. Это не можетъ остаться,—нѣтъ!..

Бродя по корридорамъ замка, она встрѣтила одного знакомаго ей королевскаго пажъ, съ нѣмецкой фамиліей, но родившагося и воспитаннаго въ Польшѣ,—Рихтера. Она начала съ того, что подарила ему одинъ апельсинъ и свою увядшую улыбку.

— Я хотѣла бы на минутку попасть съ этимъ гостинцемъ въ гардеробную государя, гмъ? Пустите вы меня?

— Нѣтъ,—возразилъ Рихтеръ,—но спросить короля могу.

— Скажи ему, что пришла Бертони! Понимаешь? Онъ, безъ сомнѣнія, прикажетъ принять.

Рихтеръ пошелъ и пропалъ, не вернулся, а съ нимъ и апельсины. Итальянка начинала уже сердиться, такъ какъ стояніе въ корридорѣ унижало ея достоинство, когда она увидала передъ собой Стжембоша. Она хотѣла уже удалиться, чтобы не ссориться съ нимъ, но Дызма обратился къ ней.

— Государь поручилъ мнѣ проводить васъ на одну минуту въ гардеробную, — сказалъ онъ. — Пожалуйте за мной. Я вѣжливѣе, чѣмъ вы у себя дома.—Говоря это, онъ открылъ двери.

Въ гардеробной, передъ зеркаломъ въ серебрянной рамѣ, стоялъ на половину уже одѣтый Янъ Казиміръ; онъ только что надѣлъ парикъ, а другой для выбора держалъ въ рукѣ пажъ. Услыхавъ шорохъ женскаго платья, онъ повернулся. Неудобны были итальянкѣ свидѣтели: она быстро поставила передъ королемъ корзину съ апельсинами и начала поздравлять по итальянски. Смѣясь, принималъ король пожеланія. Бертони жаловалась, что ей теперь такъ труденъ былъ доступъ къ королю, тогда какъ она тоже могла бы на что-нибудь пригодиться... предостеречь и услужить. Она не удержалась упрекнуть его въ неблагодарности, забывчивости, объ ея ребенкѣ. Привыкшая къ свободному обращенію съ королемъ Бертони начинала выражаться все живѣе и громче.

— Кого королева любить и протектируетъ, тому хорошо, — кричала она, все ближе подступая къ королю, — а отъ вашего королевскаго величества даже самые вѣрные слуги ничего не имѣютъ. Какую будущность просила я Біанкѣ! Ланжеронъ вышелъ замужъ за кастеляна, королева сама ее отдала ему! гмъ?

Король смѣялся.

— Что-же ты хочешь? чтобы я твоей дочери сенаторовъ италя и былъ шаферомъ? Съ ума ты сошла, что-ли. Говоришь, что ко мнѣ приступа нѣтъ, но вѣдь теперь сеймъ, у нея совсѣмъ не то въ головѣ. Если тебѣ что-нибудь очень нужно, можешь мнѣ передать черезъ Стжембоша.

Бертони вскочила, страшно взбѣшенная.

— Этотъ негодяй виновникъ всѣхъ моихъ бѣдъ! — воскликнула она. — Я его знать не хочу, нога его никогда не будетъ у меня.

Одинъ изъ пажей короля одернулъ слишкомъ громко кричащую Бертони и сказалъ ей: «говорите тише».

Это такъ смутило ее, что она начала плакать, что съ ней учалось очень рѣдко, развѣ ужъ если она была раздражена крайности. Король взглянулъ на нее.

— Э! — кисло воскликнулъ онъ: — дождь идетъ... поднимется буря... надо бѣжать. Слушай, Бертони! мнѣ некогда чего ты отъ меня хочешь?

Итальянка впала въ еще большее бѣшенство.

— Какъ это, чего я хочу? — начала она. — Но ваше королевское величество общали мнѣ покровительство для меня и моего ребенка — всѣ вѣдь знаютъ, что я имѣю на него право, и БIANKA не меньше моего. Что-же это такое: двери для меня закрыты... король знать меня не хочетъ.

Янъ Казимиръ обыкновенно, когда дѣло доходило до такихъ сценъ, спасался бѣгствомъ; поэтому, хотя, можетъ быть, и собирался переменить парикъ, но остался съ тѣмъ, который былъ у него на головѣ, и направился къ дверямъ; ловкая альянка встала ему поперекъ дороги.

— Государь, — воскликнула она: — не хорошо такъ избавляться отъ меня!

— Чего-же ты хочешь?

Собственно говоря, Бертони не могла въ нѣсколькихъ словахъ выразить свои желанья, а королю некогда было выслушивать продолжительныя объясненія: онъ прерывалъ нѣсколько разъ, прислуга начала надъ ней посмѣиваться и фыркать, это взбудило въ королѣ смѣхъ, а итальянку привело въ бѣшенство. Она совсѣмъ забылась. Къ счастью еще, что не всѣ понимали, что она выкрикивала по-итальянски.

Бродя
аго ей
шагоса
того,
бку.

— Какой ты король! на бумагѣ! Что ея милость прика-
жетъ, то и дѣлаешь, что продикують магнаты, что выпросятъ
себѣ прекрасныя дамы! И я тоже хороша! Ну, не смѣшно-ли,
что я рассчитывала на такого? Никому отъ тебя никакой
пользы... Прославляютъ твои побѣды!.. а весь свѣтъ смѣется,
говорятъ, что ты выкупился изъ татарскихъ цѣней. Подѣломъ
тебѣ... подѣломъ!

— Янъ Казиміръ пересталъ смѣяться, но испугался и раз-
сердился.

— Молчи,—прикрикнулъ онъ на итальянку:—или я при-
кажу тебя вывести. Если ты что-нибудь противъ меня имѣешь,
а Стжембошъ тебѣ не по вкусу—пиши петицію. Мнѣ некогда
лаяться съ бабами.

Сказавъ это, онъ быстро повернулся и вышелъ, а Бертони
принуждена была какъ можно скорѣе удирать отъ смѣющихся
и подшучивающихъ надъ ней придворныхъ. Между тѣмъ,
корзинка съ апельсинами, предназначенная для короля, оста-
лась. Одинъ изъ младшихъ пажей схватилъ первый, за нимъ
другіе по одному и по два апельсина начали такъ живо разбирать,
что скоро не осталось ни одного, а самую корзинку, чтобы
уничтожить, всѣ слѣды и самое даже воспоминаніе, бросили
въ уголъ.

Стжембошъ счелъ своей обязанностью вывести въ корри-
доръ несчастную Бертони, проклиная короля, но уже не
разнилъ ее и не говорилъ ни слова, чтобы не доводить ее
до крайности. Онъ только проводилъ ее до самой лѣстницы и
тѣсъ снялъ шапку и, поклонившись, проговорилъ:

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, въ случаѣ, если-бы
вамъ что-нибудь понадобилось отъ короля. Прошу объ этомъ
помнить, хотя вы знать меня не хотите, но я упорствую въ
своей дружбѣ къ вамъ и къ паннѣ Біанкѣ.

Заткнувъ руками уши, итальянка съ проклятіемъ побѣ-
жала по лѣстницѣ.

— кри-
шего к
чего не
жеронъ
ему! гл

IV.

Годъ, который начался закрытіемъ сейма и устройствомъ самыхъ безотлагательныхъ дѣлъ, тянулся далѣе, ничѣмъ не отмѣчаясь въ памяти, кромѣ самыхъ обыденныхъ, житейскихъ событій. Онъ былъ тихимъ приготовленіемъ къ будущему.

Между королемъ и королевой совершенно неожиданно упрочился брачный союзъ, когда Богъ освятилъ его, даровавъ имъ дочь. Но ребенку этому не суждено было долго жить.

Марія Людвика, заботясь о мужѣ, неуспокоенная зборовскими побѣдами и договоромъ, мечтала о новой войнѣ, которая покрыла-бы его новымъ блескомъ. Тогда уже можно было предвидѣть, что Хмѣльницкій не на долго останется спокойнымъ. Доходили слухи объ угрозахъ, а настроеніе казаковъ и хлоповъ не позволяло обольщаться пустыми надеждами.

На Запорожѣ старались создать партію вѣрныхъ Рѣчи Посполитой и противопоставить ее Хмѣлю, но съ этими сердечными друзьями и приверженцами почти всегда бывало такъ, что сначала они кланялись, заставляли платить себѣ, а подъ конецъ пзмѣняли. На границахъ необходима была большая чуткость и осторожность, приходилось держать для страха большое войско, такъ какъ только страхомъ и можно было держать казаковъ.

Канцлеръ Оссолинскій, который до сихъ поръ еще не могъ защитить отъ нападеній зборовскаго договора, все мучился и томился упреками.

Онъ чувствовалъ очень хорошо, что если бы не то, обстоятельство что король самъ принималъ въ этомъ участіе, крики и возмущеніе противъ него были бы еще больше. Короля же Оссолинскій находилъ неблагодарнымъ и, пожалуй, имѣлъ основаніе, потому что письмомъ къ хану онъ спасъ если не жизнь, то славу Яна Казимира—и позолотилъ первую страницу его царствованія.

Съ королемъ-же какъ съ человѣкомъ очень непостояннымъ и легко бросающимся на всѣ стороны, никогда нельзя было быть увѣреннымъ ни въ поддержкѣ, ни въ признательности.

Бродя ч
маго еі
вшагос
того,
ыбку.

— 8
мъ в
—
—

зъ со
Рих
ельси
іе в
ередъ
соо

—
ь гар
бжлив
верн.

Въ г
гоялъ н
то надъ
ажъ. У
сеудобы
ередъ
ять в
бертони
ль коро
одиться.
гуть его в
ыкшая д
инала въ

— К
— кричал
него коро
его не
керонъ в
эму! гмъ!

Оссолинскій, желая привлечь на свою сторону полевого гетмана, только что выпущеннаго изъ казацкой неволи, просилъ для него мѣсто трубовскаго старосты. Королева уже общалась его другому и Янъ Казиміръ отказалъ; настойчивыя требованія не подѣйствовали. Канцлеръ, который хотѣлъ этимъ доказать свое значеніе, получивъ разъ и другой отказъ, очень горячо принялъ это къ сердцу. Пораженный отказомъ, онъ не могъ этого перенести.

Однажды вечеромъ онъ вернулся отъ короля, сильно разстроенный, постоянно повторяя себѣ, что ему отказали въ его просьбѣ; сердясь и кипячась, онъ легши въ постель въ такомъ волненіи, внезапно умеръ, пораженный ударомъ.

Можно было ожидать, что король горячо приметъ къ сердцу смерть этого вѣрнаго совѣтника, которому онъ дѣйствительно многимъ былъ обязанъ; между тѣмъ замѣтили и записали это современники какъ доказательство безсердечія короля, что Янъ Казиміръ не обнаружилъ никакого горя, совершенно равнодушно принявъ извѣстіе о его смерти и своимъ отличнымъ настроеніемъ почти доказалъ, что онъ былъ очень радъ, что избавился отъ него.

Вскорѣ послѣ этого онъ отправился на большую осеннюю охоту въ Бѣловѣжскую Пущу, гдѣ убили много дичи, по дорогѣ развлекаясь почти на каждомъ шагу; вездѣ короля принимали и угощали такъ, какъ онъ любилъ, забавляя его разными комедіями. Въ особенности отличился такимъ гостепримствомъ идущій по стопамъ отца своего ломжинскій староста Радзеевскій, который задержалъ въ Бѣльскѣ Яна Казиміра и весь его дворъ въ продолженіе трехъ дней, кормя, поя и обдаривая.

Янъ Казиміръ, который не любилъ его, согласился, однако, погостить у него, что отчасти оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ и предвидѣли, два раза овдовѣвшій Радзеевскій сейчасъ-же послѣ смерти Казановскаго открыто началъ ухаживать за его вдовой и добиваться ея руки. Осиротѣлая, нуждающаяся въ опека и, наконецъ, утомленная постоянными ухаживаніями ловкаго и чрезвычайно навязчиваго чловѣка, она была уже склонна къ тому, какъ говорили. Судьба Казановской сильно занимала короля, который былъ ея поклонни-

комъ; бракъ этотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заслуживалъ въ его глазахъ одобренія. Радзеевскій же, женись, желалъ преподнести вдовѣ титулъ выше ломжинскаго старосты; поэтому онъ надѣялся, что съ помощью Казановской выхлопочетъ у короля, чуть ли ни наслѣдство послѣ Оссолинскаго. Дерзкія то были мечты, но она пользовалась большимъ расположеніемъ и милостью короля, а Радзеевскій былъ надоедливъ и неотвязчивъ. Всѣмъ онъ былъ обязанъ этой навязчивости. Такъ и съ Казановской, — когда ему подъ носомъ закрывали двери, онъ, подкупивъ слугъ, пробирался черезъ другія и ничто на него не дѣйствовало. Прогнавъ его сегодня, смѣло можно было рассчитывать найти его завтра, какъ ни въ чемъ не бывало, на томъ же мѣстѣ. Онъ не давалъ ей покоя, стараясь привлечь на свою сторону всѣхъ окружающихъ: потому точно также король не могъ отъ него отвязаться; наконецъ, видя, что и это можетъ пригодиться, онъ началъ увиваться около королевы.

И здѣсь различными мелкими услугами онъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ, въ особенности полу-шутливыми донесеніями о королѣ, о его... развлеченіяхъ, отношеніяхъ, выраженіяхъ и т. д. Марія Людовика, слѣдившая за каждымъ шагомъ короля и постоянно дававшая ему наставленія, очень рада была имѣть подобныя вѣсточки — и пользовалась ими. Инстинктивно она также ревновала короля къ Казановской, которой онъ оказывалъ слишкомъ много любезности и заботливости.

Послѣ приѣма въ Бѣльскѣ, несмотря на всѣ старанія ломжинскаго старосты, королева не дозволила дать ему большую печать, но малая была уже почти общана, чему Марія Людовика не противилась, а король готовъ былъ утвердить, лишь бы только отвязаться отъ надоедливаго просителя.

Пока еще сомнительный бракъ Радзеевскаго въ концѣ года сдѣлался въ началѣ новаго весьма правдоподобнымъ, а потомъ совершенно неожиданно — совершился. Всѣ удивлялись этому браку и не пророчили ему большого счастья, но для Радзеевскаго это было значительной ступенью къ будущему повышенію. Староста не остался уже ни въ Бѣльскѣ, ни въ Литвѣ, ни

въ Родзеевицахъ; онъ торжественно переѣхалъ во дворецъ жены и ни на шагъ не отлучался изъ Варшавы.

Такимъ же образомъ, какъ со вдовой, поступалъ онъ теперь съ королемъ и королевой. Цѣлые дни просиживалъ въ замкѣ или во дворцѣ на Краковскомъ Предмѣстїи. Яну Казиміру, который уже подозрѣвалъ его въ донесенїяхъ королевѣ о всѣхъ его поступкахъ, онъ вскорѣ сдѣлался несносенъ. Король давалъ ему это понять, но староста, когда онъ хотѣлъ не понимать, не слушать, не видѣть, чрезвычайно легко дѣлался непонятливымъ, слѣпымъ и глухимъ. Во всемъ его образѣ дѣйствій было столько дерзкаго, столько оскорбительнаго, что Янъ Казиміръ уже начиналъ говорить Бутлеру. что далъ бы старостѣ Богъ знаетъ что, лишь-бы избавиться отъ него и не встрѣчать его такъ часто, почти на каждомъ шагу. Бутлеръ утверждалъ, что лишь только онъ получить общанное ему мѣсто подканцлера, онъ успокоится: навязчивость эта была напоминанїемъ о печати. Казановская, для которой тоже важенъ былъ титулъ мужа, попросила за него короля, а Янъ Казиміръ нивъчемъ ее могъ ей отказать. Итакъ, Радзеевскій былъ, наконецъ, назначенъ подканцлеромъ.

Въ это время открылся новый сеймъ. Королева не переставала дѣйствовать. Болѣе, чѣмъ когда-либо, поддался ей король. По смерти Оссолинскаго она приобрѣла еще больше вліянія на дѣла государства.

Въ то время старались обезпечить себя со стороны Великаго Княжества Московскаго, предвидя новую борьбу съ казаками, которые также могли обратиться къ Великому Княжеству Московскому, съ чѣмъ они и не таились. Туда тянуло ихъ единство вѣры, хотя Хмѣль предпочиталъ сдѣлать союзникомъ Турка, такъ какъ послѣдній далъ-бы ему больше свободы. Кромѣ переговоровъ съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ, много безпокойства причиняли еще неоплаченные солдаты, которые составляли заговоры, избирали себѣ вождей и тревожили Рѣчь Посполитую своимъ своеволіемъ.

Цѣлый годъ велись переговоры съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ и шли торги съ войскомъ, которые тѣмъ скорѣе необходимо было кончить, что приходящїя изъ Запорожья извѣстія заставляли предвидѣть неизбѣжную борьбу

казаками. Королева даже желала этой войны для мужа. Она все еще мечтала о рѣшительной, блестящей побѣдѣ, которая сразу поставила бы Яна Казимира на недостижимую высоту и увѣнчала бы лаврами. Всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы походъ этотъ сдѣлать, не какъ подъ Зборовъ, — безсильнымъ, но могучимъ и побѣдоноснымъ. На черной тучѣ, возвѣщающей приближающіеся громы и бурю, удивительно ясно обрисовываются ничтожные случаи, которымъ впоследствии суждено было получить историческое значеніе.

Какимъ образомъ Бертони удалось втереться во дворецъ нѣкогда Казановскихъ, а теперь подканцлера Радзеевскаго, отгадать трудно. Вѣроятно все, что она съ давнихъ поръ имѣла тамъ какіе-нибудь сношенія, а такъ какъ король сильно интересовался судьбой подканцлерши, то итальянка постаралась упрочить свои отношенія съ этимъ домомъ, чтобы, служа живая такимъ образомъ королю, заслужить его милость и открыть себѣ доступъ къ нему. Едва только былъ заключенъ этотъ бракъ, какъ сейчасъ же стали появляться слухи, что тамъ происходятъ какія-то недоразумѣнія. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить, на самомъ же дѣлѣ однако ни прекрасная Елизавета, ни деспотичный и назойливый подканцлеръ не были созданы другъ для друга, но, къ несчастію, слишкомъ поздно замѣтили это. Сама пани привыкла, при жизни снисходительнаго и души въ ней нечаявшаго мужа, поступать какъ ей вздумается. Радзеевскій желалъ имѣть въ ней послушное орудіе для своихъ цѣлей. Изъ-за разныхъ мелочей постоянно выходили недоразумѣнія. Дворецъ Казановскихъ, самое величественное зданіе во всей Варшавѣ, съ которымъ не могли равняться ни королевскій замокъ, ни дворецъ короля на Краковскомъ Предмѣстьѣ, — былъ полонъ неоцѣнимыхъ богатствъ, накопленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Начиная съ дорогого оружія, збруи, съ серебра, бездѣлушекъ и кончая картинами и статуями, — все было устроено съ неслыханной роскошью. Переполненные погребъ, кладовыя, конюшни поражали чужеземцевъ. Радзеевскій, овладѣвъ всѣми этими богатствами, хотѣлъ распоряжаться ими, жена сначала крѣпко противилась этому, но что онъ и не думалъ обращать вниманія. Кромѣ того, Елизавета привыкла принимать кого хотѣла, окружать себя тѣми особами

которыя были ей дороги и пріятны, и домъ ея былъ однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ и радушныхъ въ Варшавѣ. Радзеевскій вздумалъ подчинить это своему контролю и распоряженію, словомъ—хотѣлъ здѣсь быть господиномъ и безъ спроса распоряжаться женой и ея имуществомъ. Подканцлерша не могла этого перенести; она рѣшительно воспротивилась. Однако сначала всѣ эти супружескія столкновенія никому не были извѣстны и не выходили изъ-за стѣнъ дворца.

Радзеевская, возмущенная этимъ, дала понять королю, а подканцлеръ въ интимной бесѣдѣ пожаловался самой Маріи Людовикѣ, которая не любила его жены. Среди актеровъ этой драмы, еще незамѣченными очутился замѣшаннымъ и придворный короля, котораго Янъ Казиміръ начиналъ все больше и больше любить. Это былъ изъ знатнаго рода, какъ и многіе другіе молодые люди, начинающій свою службу при дворѣ Тизенгаузь, принадлежащій къ такъ называемымъ придворнымъ короля, въ дѣйствительности же его пажъ. По природѣ—живого и горячаго темперамента привыкшій къ очень смѣлому обращенію съ людьми, молодой Тизенгаузь при Янѣ Казимірѣ, который вообще вовсе не строго держалъ своихъ слугъ, сдѣлался еще бойчѣе. Король его любилъ, охотно слушалъ его и позволялъ ему не только говорить все, что гдѣ слышалъ, но и что онъ самъ думаетъ о людяхъ.

Старый другъ короля Бутлеръ не всегда бывалъ при немъ. Стжембошъ не годился для мелочей. Тизенгаузь, который бывалъ вездѣ и доносилъ королю, приправляя своимъ остроуміемъ, все, что ему приходилось видѣть и слышать, развлекалъ скучающаго Яна Казимира. Съ семействомъ, родственнымъ Казановскимъ, у Тизенгауза было какое-то родство или давнишнія отношенія; онъ часто бывалъ у подканцлерши и до свадьбы и послѣ свадьбы, и она его любила. Радзеевскій сначала не могъ его переносить, весьма не охотно видѣлъ его въ своемъ домѣ, но долженъ былъ терпѣть. Разъ два онъ намекнулъ женѣ, чтобы она не принимала его съ такимъ радушіемъ, но она не видѣла никакой причины, почему бы ей слѣдовало измѣнить свои дружескія отношенія съ этимъ юношей.

— Я не имѣю никакой причины закрывать ему двери, ни измѣнять нашихъ отношеній,—отвѣчала она.

И этимъ кончилось на первый разъ. Тизенгаузь, ни придавая большого значенія Радзеевскому, по прежнему просиживалъ по цѣлымъ днямъ у подканцлерши.

Однажды рано утромъ Тизенгаузь, какъ это очень часто бывало, очутился въ покояхъ у подканцлерши, которая въ эту минуту была одна. Разговоръ принялъ фамилярное и опасное направленіе, подканцлерша вздохнула и стала жаловаться на деспотическія требованія своего мужа.

Тизенгаузь проговорилъ съ гнѣвомъ въ голосъ:

— Развѣ же вы не госпожа въ своемъ домѣ и не распоряжаетесь по своей волѣ?

— Вы молоды, — полугрустно, полущутливо произнесла пана Радзеевская. — Въ другихъ государствахъ, на примѣръ, во Франціи, и обычай страны, и законъ даетъ женщинамъ нѣкоторую независимость, а у насъ присяга передъ алтаремъ — не пустое слово. Законъ не дозволяетъ мнѣ, госпожѣ всего моего имуществва, распорядиться имъ безъ согласія мужа... онъ глава дома, онъ господинъ.

— Совершенно вѣрно! — воскликнулъ юноша. — Тамъ, гдѣ бракъ соединяетъ особы одинаковаго состоянія, одинаковаго общественнаго положенія, но здѣсь...

— И здѣсь также! Выбиваться изъ-подъ власти мужа! — грустно разсмѣялась она, — у насъ это считается неприличнымъ.

— Но у себя дома, вѣдь вы же у себя...

— Бѣдныя мы невольницы!

Тизенгаузь возмутился.

— Я мало знаю пана подканцлера, — прибавилъ онъ, — но считаю его слишкомъ хорошо воспитаннымъ и благороднымъ человѣкомъ, чтобы онъ желалъ такой власти... не только, чтобы злоупотреблять ею, но даже чтобы просто пользоваться.

Подканцлерша взглянула на него, устремила на него свой взоръ и ничего не отвѣтила. Молчаніе было очень краснорѣчиво и многозначительно.

— Часто бываютъ такія ничтожныя, но чрезвычайно непріятныя обстоятельства — начала она, помолчавъ, — которые могутъ отравить жизнь.

Тизенгаузь слушалъ съ любопытствомъ.

— На примѣръ я, — продолжала она, — такъ привыкла къ

своему дому, къ такому расположенію его, какъ было, что малѣйшая перемѣна непріятно поражаетъ меня. Іеронимъ имѣетъ страсть все передѣлывать, перемѣнять, поправлять и не всегда удачно. Это вызываетъ у меня слезы, а онъ смѣется надъ слезами. — Она бодро протерла глаза.

— Я знаю, что это будетъ большой дерзостью съ моей стороны, — промолвилъ Тизенгаузъ, — если я, молокососъ, осмѣлюсь вамъ совѣтывать, но мнѣ кажется, что не слѣдуетъ уступать даже въ самыхъ пустяжныхъ вещахъ, ни шагу...

— Вотъ именно, и я это такъ же понимаю, — прибавила подканцлерша. — Дѣло идетъ о самыхъ пустякахъ, но я стою на своемъ.

— Это несносно! — проворчалъ Тизенгаузъ. — Но какова неделикатность!

Снова наступило молчаніе, послѣ чего юноша, для развлечения ея, рассказалъ какой-то веселый анекдотъ о французѣ изъ двора королевы; разговоръ зашелъ о послѣдней. Подканцлерша жаловалась, что не пользуется ея расположеніемъ. Тизенгаузъ доказывалъ, что это было вполне естественнымъ слѣдствіемъ зависти, такъ какъ король всегда выражался объ Елизаветѣ съ величайшемъ почтеніемъ.

— Ахъ, бѣдный покоренный король! — разсмѣялась канцлерша. — Не довольно того, что казаки и татары диктуютъ ему свои права, онъ и дома долженъ слушаться.

— Иногда онъ пробуетъ бунтоваться, — прошептала Тизенгаузъ, — но это ему не удастся. Въ дѣйствительности же онъ долженъ быть очень признателенъ государынѣ, такъ какъ она хочетъ сдѣлать его героемъ и добьется этого.

— Неужели снова дойдетъ дѣло до войны? — спросила подканцлерша.

— О! Объ этомъ я ничего не знаю — сказалъ, онъ — но судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя доходятъ до насъ изъ Руси и изъ Запорожья, нельзя слишкомъ полагаться на этотъ договоръ съ татарами и Хмѣлемъ. Королева повторяетъ, что для Рѣчи Посполитой необходима великая, славная, рѣшительная побѣда, которая напугала бы это мужичье. Между тѣмъ лавры собираетъ только воевода Іеремія, а государыня наша хотѣла бы всѣ ихъ возложить на чело своего мужа.

Потомъ они пошутили немножко надъ управленіемъ королевы, надъ покорностью короля и Тизенгаузъ вышелъ, такъ какъ доложили о какихъ-то дамахъ, пріѣхавшихъ изъ Литвы.

Король, который былъ увѣдомленъ о частыхъ визитахъ Тизенгауза во дворецъ Казановскихъ, почти ежедневно разспрашивалъ его. Онъ любилъ сплетни.

— А что? навѣрное уже былъ у подканцлерши и сегодня?— спросилъ онъ юношу.

— А какъ же, государь!

— Что-же тамъ? Наслаждаются счастіемъ?—говорилъ Янъ Казимірь.— Право этотъ подканцлеръ въ сорочкѣ родился. Такая женщина! Но какъ это она могла его избрать?

— Гмъ,—промолвилъ нажъ,—кто знаетъ, не жалѣеть ли ужъ она объ этомъ.

Король подскочилъ къ нему сильно заинтересованный.

— Что? что?

Тизенгаузъ сначала молчалъ, но наконецъ уступилъ настойчивымъ требованіемъ.

— Подканцлеръ тиранъ,—сказалъ онъ,—хочетъ все забрать въ свои руки. Она вполне права, желая остаться хозяйкой: вѣдь это все ея.

— Конечно!—съ жаромъ воскликнулъ король.—Онъ ничего ей не принесъ, ни гроша. Вотъ голышъ! Я не дамъ ему тамъ играть роль деспота!

Онъ погрозилъ пальцемъ.

— Государь, лучше всего не вмѣшиваться въ это: супруги поспорятъ и помирятся,—прошенталъ Тизенгаузъ.

— И нужно же ей было этого подканцлера!—подхватилъ король. Отъ него теперь и не отвяжешься. Тяжела ей будетъ жизнь съ нимъ. Я отговаривалъ, но онъ должно быть пустилъ въ ходъ чары. Вѣдь сыновья отъ его перваго брака уже взрослые, а тутъ жена свѣжая, какъ роза.

Тизенгаузъ улыбнулся.

Разговоръ прервался. Какъ разъ отъ границы пришли извѣстія, что Хмѣль, хотя и клянется въ своей вѣрности, ведетъ съ турками переговоры о подданствѣ имъ всей Украины. Но въ Варшавѣ не всегда и не всѣ вѣрили въ грозное значеніе казаковъ; большая часть относилась къ нимъ очень

пренебрежительно. Все заключалось въ одномъ словѣ: «мужичье»—какъ будто бы оно значило слабость, а не сила.

Запорожцевъ называли варварами и относительно были правы; но варварство это было соединено съ инстинктомъ, съ ловкостью, съ хитростью, которые бываютъ только у дикихъ народовъ. Борьба съ казаками была похожа на поединкъ между отличнымъ бойцомъ и сильнымъ неучемъ, въ которомъ сражающийся по всѣмъ правиламъ долженъ быть побѣжденнымъ, потому что на него нападаютъ и насккиваютъ вопреки всѣмъ правиламъ. Всѣ движенія казаковъ были неожиданны и поэтому трудно отразимы.

Вечеромъ король долженъ былъ пойти къ женѣ, которая уже отдыхала, утомленная безчисленными аудіенцами. Тутъ всегда бывали тысячи предметовъ для разговора. Янъ Казиміръ кромѣ устной инструкціи иногда получалъ цѣлый списокъ ваканцій, которыя онъ долженъ былъ раздавать именно такъ, а не иначе. Не было почти дня, чтобы не пришло извѣстіе о смерти какого нибудь епископа, кастеляна, воеводы, а одновременно съ этимъ являлись съ приношеніями прямо къ королевѣ по крайней мѣрѣ три кандидата. Марія Людовика совершенно не скрывалась съ тѣмъ, что ей общали. Такъ что и въ этотъ день ей надо было дать мужу много распоряженій. Два мѣста епископа и нѣсколько старостъ были свободны. Послѣ всѣхъ этихъ прерываемыхъ, а и иногда принимаемыхъ несмѣлой оппозиціей инструкцій, королева начала говорить о Радзивиллахъ, о Любомірскихъ, а отъ нихъ внезапно перешла къ Казановской.

— Подканцлеръ,—проговорила она, — который такъ много ожидалъ отъ брака, я боюсь, какъ бы его не встрѣтило разочарованіе. Казановская своевольна, все хочетъ забрать въ свои руки.

— Потому что все принадлежитъ ей! — быстро возразилъ король.

— О! ты всегда за нее заступаешься,—съ гримасой прервала Марія Людовика.—Зачѣмъ же она шла замужъ?

Король изъ осторожности смолчалъ.

— Я боюсь,—прибавила королева,—какъ бы между супругами скоро не дошло дѣло до ссоры. Ты могъ бы, какъ преж-

ній опекунъ прекрасной Елизаветы, убѣдить ее, что мужъ имѣть извѣстные права.

— Но я не хочу въ это вмѣшиваться! — съ гримасой воскликнулъ король. — Ты, со своей стороны, могла бы склонить Радзеевскаго, который, навѣрное, тебѣ жаловался, къ тому, чтобы онъ лучше обходился съ женой, которой онъ столькимъ обязанъ.

— А развѣ ты знаешь, что онъ грубо съ ней обходится? — спросила Марія Людовика.

— Я... я ничего не знаю, — отперся король, вставая, — но слышу отъ тебя...

Сказавъ это, король пожелалъ ей покойной ночи и поцѣловалъ ее въ руку, а Марія Людовика была почти увѣрена, что онъ знаетъ больше, чѣмъ признавался.

V.

Слухи о войнѣ, а еще болѣе прибытіе Ксензкаго, который, излѣчившись отъ ранъ во Львовѣ, заѣхалъ по дорогѣ въ Варшаву и позвалъ къ себѣ родственника, — вырвали Стжембоша изъ придворной лѣни и бездѣлья, которыя со временемъ могли его сдѣлать ни на что негоднымъ. Дымза уже и самъ началъ подумывать о томъ, что комнатная служба, хотя бы у самого короля, не приведетъ ни къ чему, когда въ одинъ прекрасный день прибѣжалъ слуга Сташка Ксензкаго изъ заѣзжаго дома на Длинной улицѣ и далъ ему знать, что дядя требуетъ его къ себѣ.

Ксензкій принадлежалъ къ тѣмъ популярнымъ военнымъ знаменитостямъ, о которыхъ и гетманы знали, что голосъ ихъ имѣетъ большое значеніе въ полку, и все войско рассказывало и передавало другъ другу ихъ слова. Шуточки или отзывъ о человѣкѣ Старшевскаго, Ксензкаго или Самуила Лаца могли низвергнуть или возвысить даже высоко стоящаго сановника. Мало было людей, болѣе любимыхъ и уважаемыхъ, чѣмъ Ксензкій. Онъ, дѣйствительно, былъ добрый до глубины души, но языкъ у него былъ острый, какъ бритва.

Въ Варшавѣ, только что онъ явился въ корчмѣ, и кто-то сказалъ—Ксензкій, все, что только было военного, побуждало привѣтствовать его.. Стжембошъ, хотя и поспѣшилъ къ нему, нашелъ избу уже биткомъ наполненной. Дядя заключилъ его въ объятія а потомъ, оттолкнувъ отъ себя на одинъ шагъ и указывая на него рукой, воскликнулъ.

— Паны, братья! — полюбуйтеся, пожалуйста, на этого юношу. Точно картинка! красивый, здоровый, сильный, а какая кому польза отъ этого? Нарядился въ придворный кафтанъ, говорятъ, что король души въ немъ не чаетъ, но это лѣнтяй, бездѣльникъ. Скажи ты мнѣ, что изъ тебя выйдетъ? А? Дворцовая метла?

Дызма покраснѣлъ.

— Извините,—сказалъ онъ:—изъ меня выйдетъ солдатъ, потому что я какъ разъ рѣшилъ бросить придворный кафтанъ и одѣть военный мундиръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — подхватилъ Ксензкій. — Ну, такъ поди ко мнѣ, дай я еще разъ обниму тебя. Но ужъ если такъ, то я возьму тебя къ себѣ, въ полкъ Собѣскихъ.

— Идетъ! — разсмѣялся Дызма,—стало быть, надо только получить согласіе короля.

— Король,—крикнулъ Ксензкій,—не можетъ отказать, потому что самъ скоро долженъ будетъ сѣсть на коня; я чувствую въ воздухѣ войну и кровь. Для придворныхъ хватить калѣкъ и уродовъ.

— Но,—выѣшался ротмистръ Ржевускій,—именно въ настоящее время, когда нами управляетъ французская мода и политика, самые сливочки берутся ко двору.

— Съ французами,—прибавилъ Свенцкій, второй товарищъ Ксензкаго, хорунжій полка Любомірскихъ:—съ французами намъ придется расправляться дома, потому что это зелье разрослось у насъ точно крапива.

— Брось ты,—прервалъ Ксензскій,—этихъ французовъ. Что же слышно при дворѣ,—вдругъ обратился онъ къ племяннику.— Королева здорова? У насъ ходитъ слухъ, что новая амазонка хочетъ осѣдлать коня и рядомъ съ королемъ идти на казаковъ.

— Храбрая-то она, правда, храбрая,—сказалъ Дызма,—да ужъ очень дики эти казаки...

Ксензкій сморщился и обратился къ Дымѣ

— Я почти только ради тебя и приѣхалъ сюда, — началъ онъ, кладя ему руку на плечо: — Хотя бы мнѣ пришлось къ самому королю идти съ просьбой, чтобы онъ освободилъ тебя отъ своей службы, такъ и то я пойду. Я не хочу, чтобы ты погибъ въ ней или высохъ. Я знаю, что изъ такихъ придворныхъ другіе и вырастаютъ потомъ въ старость, каштеляновъ, но намъ, бѣдной шляхтѣ, не годится идти по этому пути. Это барскія дороги.

Стжембошъ слушалъ; пріятели Ксензскаго, которые рѣдко видѣли его такимъ серьезнымъ, молчали. Острякъ и балагуръ казался имъ измѣнившимся. Однако это продолжалось только минуту. Снова просіяло лицо Сташка Ксензскаго. Свенцкій повторялъ, что онъ слышалъ въ городѣ о разныхъ казацкихъ посольствахъ.

— Говорятъ объ этомъ Хмѣлѣ,—проговорилъ онъ,—что онъ простой мужикъ и пьяница, а мнѣ кажется, что онъ всѣхъ насъ обманываетъ своей грубостью, такъ какъ до сихъ поръ онъ обнаружилъ больше ума, чѣмъ наши канцлеры и паны Кисели и всѣ, кто ѣздилъ заключать договоръ... всѣхъ онъ загналъ въ камыши.

— Я долженъ встать въ защиту двора, королевы и короля,—началъ Дымза,—не только потому, что я столько лѣтъ ѣлъ ихъ хлѣбъ, но и потому, что сама справедливость того требуетъ. Король, правда, не особенно воинственнаго характера; вѣдь я почти шагъ за шагомъ ѣздивъ за нимъ подъ Зборовымъ и видѣлъ его, въ чемъ могу даже поклясться, въ ту памятную ночь, когда онъ объѣзжалъ весь станъ, и во время битвы такимъ мужественнымъ и готовымъ къ смерти, что слѣдуетъ воздать ему великую честь и славу; но у него каждый день вѣтеръ дуетъ съ другой стороны. За то королева, вѣрьте мнѣ, знаетъ, чего хочетъ, и разъ что-нибудь скажетъ себѣ, непременно добьется того, а она желаетъ войны, чтобы ею поправить то, что испортилось подъ Зборовымъ; она жаждетъ блестящей побѣды, и когда теперь придется идти въ походъ, то увидите, что благодаря ея стараніямъ явится многочисленное и прекрасное войско.

— Дай Богъ, аминь! — подхватилъ Ксензкій. — Но наша ко-

ролева, которую вы такъ защищаете, жаждетъ побѣды и лавровъ не для самой Рѣчи Посполитой, а только для своего супруга, а если дѣло дойдетъ до того, чтобы ради побѣды отдать начальство Іереміи Вишневецкому, то я даю голову на отсѣченіе, что они предпочтутъ отказаться отъ побѣды, чѣмъ дать Іереміи затмить короля. Всѣ завидуютъ русскому воеводѣ, друзей онъ имѣетъ только въ насъ, которые съ нимъ сражались, были рядомъ съ нимъ и насъ узнали этого мужа. Для другихъ онъ гроза. Казаки боятся его какъ огня, боятся его королева, боятся король, паны гетманы завидуютъ, а это единственный человѣкъ, пожалуй съ гетманомъ Радзивилломъ, который могъ бы положить конецъ нашему несчастію.

— Да что мы, въ самомъ дѣлѣ, — прервалъ Свенцкій, — пустились въ такую глубокую политику! Пора ее бросить, да начать пѣсенку повеселѣе.

— Такъ пусть ужъ ее начнетъ придворный, — возразилъ Ксензскій, указывая на племянника. — Расскажи-ка что-нибудь веселенькое.

Стжембошъ оправдывался, что не принесъ съ собой запаса; все-таки разговоръ оживлялся, хотя еще часто сворачивалъ на войну.

— А я тутъ за тобой шпионилъ, Дызма, — промолвилъ Ксензскій. — Мнѣ рассказывали, что ты здѣсь пустился въ амуры съ дѣвушкой, правда, очень красивой, но мѣщанкой, выросшей на мостовой, а это для насъ, деревенскихъ жителей, плодъ нездоровый.

Стжембошъ покраснѣлъ.

— Кто же это вамъ наслетничалъ? — спросилъ онъ.

— Не спрашивай, потому что я не выдамъ, — засмѣялся Ксензскій, — но я говорю тебѣ, что знаю все, и поэтому хочу вырвать тебя на свѣжій воздухъ.

— Дорогой дядя, — съ жаромъ заговорилъ Дымза, — вѣрьте мнѣ, дѣвушка порядочная и невинная, хоть она и мѣщанка, но ни въ чемъ нельзя ее упрекнуть.

— А мать? — съ торжествующей улыбкой воскликнулъ Ксензскій. — Я больше смотрю на мать, чѣмъ на этого подростка, который теперь можетъ выглядѣть какъ бѣлая лилія,

а когда подростетъ — въ ней отзовется все то, что было въ матери.

— Матерью похвастаться я не могу, — грустно сказалъ Стжембошъ, — но вѣрите мнѣ, не всегда ребенокъ подражаетъ матери, когда она до противности смѣшна и несносна. Старая Бертони даже собственной дочери должна казаться такой же вѣдьмой, какъ и намъ...

— Забыть-бы обѣихъ, — прибавилъ Ксензкій. — Намъ солдатамъ нездорово сидѣть съ бабами. — И онъ вдругъ круто повернулъ разговоръ. — Такъ проси короля, чтобы онъ тебя отпустилъ, я помогу и запишу тебя въ полкъ Собѣскихъ. Нашлось бы тебѣ мѣсто и гдѣ-нибудь въ другомъ полку, тѣмъ болѣе, что на твоей сторонѣ и молодость, и молодцоватая осанка, но я хотѣлъ бы имѣть тебя на своихъ глазахъ.

Стжембошъ поцѣловалъ его въ плечо.

Просидѣвъ почти весь вечеръ у Ксензскаго, Дызма вернулся въ замокъ и какъ разъ столкнулся съ королемъ, который возвращался, пожелавъ Маріи Лювикѣ спокойной ночи. Это была минута, когда онъ всегда, исполнивъ эту обязанность, веселѣе смотрѣлъ на все. Когда ему приходилось идти въ покои королевы, онъ всегда хмурился и, только освободившись отъ нея, вздыхалъ свободно.

На другой день утромъ король приказалъ позвать къ себѣ Тизенгауза.

— Иди къ подканцлершѣ, — шепнулъ онъ, — кланяйся ей отъ меня и скажи ей, разумѣется, съ глазу на глазъ, чтобы она не уступала. Радзеевскій и такъ ужъ слишкомъ дерзокъ и нахалень...

Это посольство показалось молодому пажу такимъ пріятнымъ, что какъ только наступилъ часъ, въ который приличіе позволяло ему явиться во дворцѣ Казановскихъ, онъ сейчасъ же побѣжалъ туда. Случаю было угодно чтобы онъ въ самыхъ воротахъ столкнулся съ подканцлеромъ, который на отличной лошади, бывшей верховой покойнаго пана Адама, выѣзжалъ изъ дворца въ городъ. Радзеевскій замѣтилъ входящаго, сморщился и многозначительно покосился и, когда Тизенгаузъ изъ вѣжливости снялъ передъ нимъ шапку, онъ, не отвѣтивъ на поклонъ, гордо отвернулся.

— Ого! — подумалъ Тизенгаузъ. — Что не пользуюсь милостью у канцлера, я это хорошо зналъ, но что онъ желаетъ такъ явно выказать свое нерасположеніе — я узнаю въ первый разъ, — у него чутье хорошее.

Радзеевскій приостановился и, оглянувшись, чтобы посмотреть, куда направится Тизенгаузъ, могъ уѣдиться, что тотъ отправился въ покои жены.

— Королевскій шпіонъ и посолъ, — проворчалъ онъ, — но я не желаю видѣть его у себя. Король не долженъ вмѣшиваться въ мои домашнія дѣла.

Имѣлъ ли канцлеръ прежде намѣреніе идти прямо къ королевѣ, этого мы не знаемъ, но послѣ встрѣчи съ Тизенгаузомъ пошелъ къ ней. Такъ какъ было нѣсколько мѣстъ для раздачи, а Радзеевскій имѣлъ обѣщанія и предложенія кандидатовъ, то ему легко было объяснить свой ранній визитъ. Разговоръ о тѣхъ сенаторахъ, которые напрашивались, о несимпатичныхъ и кажущихся подозрительными королевѣ, о тѣхъ, которыхъ канцлеръ желалъ сдѣлать ей несимпатичными, протянулся довольно долго и уже долженъ былъ окончиться, когда Радзеевскій, вздохнувъ, прошепталъ:

— Тизенгаузъ постоянно вертится у меня дома и я подозреваю, что онъ носитъ королю жалобы моей жены, а отъ него приносить увѣренія въ покровительство и защитѣ, такъ какъ она все рѣзче относится ко мнѣ. Что же я значу дома, когда мнѣ нельзя будетъ дотронуться ни до коня, ни до сѣдла покойнаго мужа, какъ сегодня?

— И ты уступилъ? — спросила королева.

— Нѣтъ, — проговорилъ канцлеръ, — я не могъ, да и не думаю на все соглашаться, а то въ концѣ концовъ я сдѣлаюсь, чего добраго, слугой въ своемъ собственномъ домѣ.

Движеніемъ головы королева дала ему знакъ, что одобряетъ его поведеніе. Радзеевскій сдѣлалъ свое — пожаловался, потомъ поклонился и пошелъ къ королю.

Тизенгаузъ между тѣмъ былъ допущенъ къ прекрасной пани Елизаветѣ, которая въ это время осматривала работу своихъ дѣвушекъ. Грустная хозяйка отослала дѣвушекъ. Королевскій пажъ легко могъ различить на ея лицѣ слѣды еще не утихшаго гнѣва и раздраженія. Съ большимъ оживленіемъ

начала она ему рассказывать какъ, она хотѣла оставить нетронутыми верховую лошадь своего покойнаго мужа, какъ просила объ этомъ мужа, но, несмотря ни на какія ея просьбы, канцлеръ какъ разъ въ это утро, приказавъ объѣздить коня и осѣдлать его по старинному, поѣхалъ на немъ въ городъ.

— Я встрѣтилъ его въ воротахъ, — сказалъ Тизенгаузь, — и онъ не изволилъ даже отвѣтить на мой поклонъ. Жаль этого славнаго коня.

Онъ не окончилъ; быстрымъ движеніемъ бѣлой ручки подканцлерша отерла себѣ глаза.

— Если я не ошибаюсь, — прошептала она, — а я навѣрное не ошибаюсь, — канцлеръ тѣмъ смѣлѣе обращается со мною, что онъ имѣетъ за собой королеву. Я никогда не пользовалась ея расположеніемъ.

— Не надо принимать этого близко къ сердцу, — прервала юноша, — ни одна изъ польскихъ дамъ не пользуется милостями Маріи Людвики. Сердца ея едва хватаетъ для француженокъ.

— Въ особенности для своей прекрасной воспитанницы — съ двусмысленной улыбкой прибавила Радзеевская: — Маріи д Аркіентъ. Я не настолько зла, чтобы вѣрить тому, что говорятъ люди, но привязанность королевы къ этой дѣвушкѣ бросается въ глаза. Навѣрное ее ожидаетъ блестящая партія... Красавица...

— Я не могу этого отрицать, — проговорилъ Тизенгаузь, — но она уже хорошо знаетъ о томъ, что она красива...

— Это еще дитя, — прошептала подканцлерша.

— О лѣтахъ ея, разумѣется, ничего нельзя узнать, — началъ Тизенгаузь, — но, судя по ея росту и фигурѣ, ей должно быть ужъ лѣтъ пятнадцать...

Тутъ наступила маленькая пауза; пажъ оглянулся, не подслушивается ли ихъ кто-нибудь.

— Государь, — прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, — вчера очень подробно разспрашивалъ меня о васъ. Я долженъ былъ ему сознаться, что былъ здѣсь. Должно быть кто-нибудь, потому что это не я, — прибавилъ съ улыбкой Тизенгаузь, — донесъ королю, что панъ подканцлеръ желаетъ здѣсь всѣмъ управлять. Король ворчалъ, сильно возмущенный этимъ, и вы-

разился такъ, что было бы очень не хорошо съ вашей стороны дѣлать такія уступки. Это его совѣтъ—я его повторяю.

— Совѣтъ хорошъ,—прервала подканцлерша,—жаль только, что мнѣ такъ трудно его исполнить. Я не могу вести съ нимъ войну, а вы видѣли, какъ онъ слушается моихъ просьбъ. Вчера еще я просила его объ этомъ конѣ и збруѣ, а сегодня онъ нарочно выбралъ ихъ, на зло мнѣ.

— Если-бы конюхъ заранѣе получилъ ваше приказаніе, онъ навѣрное исполнилъ бы его, да и панъ Радзеевскій не посмѣлъ бы ему противиться.

Подканцлерша взглянула на него.

— Ты не знаешь его,—проговорила она.—Именно для того, чтобы показать свою силу и волю, онъ сдѣлаетъ мнѣ на зло, это ему ничего не будетъ стоить

— Я увѣренъ—прибавилъ Тизенгаузъ, — что Янъ Казиміръ охотно выступитъ за васъ, но...

Радзеевская быстро прервала:

— Я умоляю его не дѣлать этого! охъ! нѣтъ, нѣтъ! Ужъ и такъ могутъ быть разные сплетни относительно этого покровительства короля ко мнѣ; канцлеръ все это обратитъ противъ меня; и такъ мнѣ ужъ довольно приходится терпѣть.

Радзеевская была такъ встревожена, что молодой гость долженъ былъ увѣрить ее, что ей вовсе нечего бояться неосторожнаго шага со стороны короля. Просидѣвъ довольно долго въ замкѣ Казановскихъ, Тизенгаузъ наконецъ покинулъ его и вернулся въ замокъ.

Прошло нѣсколько дней. Король такъ беспокоился о Казановской, что почти каждый день подсылалъ Тизенгауза.

Раза два онъ столкнулся съ самимъ канцлеромъ, который съ каждымъ разомъ все яснѣе обнаруживалъ свое неудовольствіе и раздраженіе. Кромѣ того было ясно, что слуги доносили Радзеевскому обо всемъ, въ особенности, что касалось его жены. На неудовольствіе подканцлера Тизенгаузъ не обращалъ никакого вниманія. Напрасно, встрѣчаясь съ нимъ, Радзеевскій останавливался, впивался въ него глазами и закусывалъ губы, молодой гость не хотѣлъ его понимать. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, когда по обыкновенію рано утромъ Тизенгаузъ собирался приказать доложить о себѣ подканцлершѣ,

въ передней онъ увидалъ какъ бы ожидающаго его гофмаршала Радзеевскаго, нѣкого Снарскаго, который, подбоченившись, преградилъ ему дальнѣйшій путь.

Тизенгаузъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Панъ подканцлеръ,—иронически и дерзко проговорилъ Снарскій, — приказалъ мнѣ объявить вашей милости, что не желаетъ, чтобы вы бывали въ его домѣ.

Молодой пажъ отскочилъ, какъ ошпаренный.

— Что? что?—закричалъ онъ.

Снарскій медленно, процѣживая слова, повторилъ то же самое, и не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, вышелъ, запирая за собой двери. Пораженный какъ громомъ этимъ поступкомъ, Тизенгаузъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, не зная, что начать. Идти на проломъ онъ не могъ; принять такое дерзкое заявленіе — не слѣдовало; на минуту онъ потерялъ голову и вышелъ изъ дворца медленными шагами, самъ не зная, что начать. Если бы въ эту первую минуту ему подвернулся Радзеевскій, то безъ всякаго сомнѣнія онъ бросился бы на него съ обнаженной саблей. Жаловаться королю и вовлекать его въ это дѣло, которое должно было быть ему непріятнымъ, не слѣдовало. Онъ даже не хотѣлъ сейчасъ же вернуться въ замокъ, пока не поразсудить, чтобы какъ-нибудь не выдать себя. Онъ побѣжалъ къ своимъ друзьямъ литвинамъ и напалъ на рыцарскихъ людей, которые, съ первыхъ же словъ, приняли это горячо къ сердцу. Волловичъ и Сапѣга, которымъ онъ открылся, закричали, что такое оскорбленіе можетъ быть смыто только кровью.

— Тебѣ ничего не остается, — воскликнулъ молодой Сапѣга, — какъ только вызвать на дуэль этого смѣльчака, который воображаетъ, что сенатору—все можно.

Вспыльчивому Тизенгаузу ничего не могло быть пріятнѣе этого совѣта. Онъ готовъ былъ хоть сейчасъ же послать къ подканцлеру секундантовъ и потребовать удовлетворенія, но тутъ произошло странное обстоятельство.

Всѣ тѣ, которые находили, что Тизенгаузъ долженъ былъ вызвать Радзеевскаго, хотя онъ былъ только придворнымъ короля, а тотъ подканцлеромъ,—когда дѣло дошло до того, что бы идти къ нему отъ имени Тизенгауза, находили самыя

разнообразныя препятствія, которыя не позволяли имъ услужить ему. Одинъ ссылался на другого, — никто не могъ выступить противъ Радзеевскаго: за нимъ всё видѣли королеву, которую никто не хотѣлъ возстанавливать противъ себя, такъ какъ она не прощала. Насколько Янъ Казиміръ, вспыльчивый и гнѣвный въ первую минуту, потомъ легко остывалъ, настолько Марія Людовика долго помнила о малѣйшей обидѣ, и никогда ея не забывала.

Тизенгаузу не оставалось ничего другого, какъ дѣйствовать самому, а молодость и горячій темпераментъ увлекли его слишкомъ далеко. Онъ караулилъ только, какъ бы ему поймать подканцлера, когда онъ будетъ приходить въ замокъ. Не долго ему пришлось ждать этого; на другое утро чрезвычайно дѣятельный Радзеевскій только что вылѣзъ изъ кареты и собирался направиться къ королевѣ, когда Тизенгаузь, схвативъ два заряженные, уже заранѣе приготовленные пистолеты, подбѣжалъ къ нему. Подканцлеръ, увидѣвъ его, бѣгущаго къ нему навстрѣчу, раздраженнаго, съ пистолетами въ рукахъ, сначала побоялся выстрѣла и оглянулся, не идетъ ли за нимъ кто-нибудь изъ прислуги. Въ эту минуту Тизенгаузь подскокилъ къ нему.

— Панъ подканцлеръ! Я такой же шляхтичъ, какъ и вы, я не могу снести оскорбленія чести. Вы мнѣ отказали отъ дома черезъ слугу... вы должны со мною драться!

Пока Радзеевскій собрался отвѣчать, подбѣжали двое изъ его слугъ, которые, видя молодаго пажу, съ пистолетами наступающаго на ихъ господина, бросились на него, но Тизенгаузь, поднявъ пистолетъ вверхъ, вскричалъ:

— Вы мнѣ отвѣтите за это! — и не желая связываться съ прислугой, поспѣшно удалился.

Подканцлеръ долженъ былъ немножко остыть, прежде чѣмъ явиться въ покои королевы. Хотя лично онъ не былъ трусомъ, онъ не славился также и особенной храбростію и достигнутый врасплохъ дерзкимъ молокососомъ, на минуту встревожился. По его лицу, по блѣдности и блуждающему взору королева могла узнать, что онъ только что былъ чѣмъ-то взволнованъ и заботливо спросила его: не чувствовалъ ли онъ какого-нибудь нездоровья?

Радзеевскій не желалъ скрывать, что его встрѣтило.

— Съ минуту тому назадъ меня встрѣтило здѣсь, въ замкѣ, неслыханное, дерзкое нападеніе, — проговорилъ онъ, — отъ котораго я до сихъ поръ не могу придти въ себя.

— Нападеніе? въ замкѣ? — вскричала, грозно хмурясь, Марія Людовика.

У Радзеевскаго голосъ дрожалъ отъ гнѣва.

— Это тѣмъ удивительнѣе, что оно было совершенно придворнымъ короля — Тизенгаузомъ, — говорилъ подканцлеръ. — Онъ почти каждый день посѣщалъ мою жену, и я имѣю сильное подозрѣніе, что онъ возстановлялъ ее противъ меня. Поэтому, я вынужденъ былъ отказать ему отъ своего дома, а молокососъ за это сегодня, въ замкѣ, выбѣжалъ мнѣ навстрѣчу съ пистолетами, требуя дуэли!

Пораженная королева слушала, почти не вѣря своимъ ушамъ. Подъ бокомъ у нея сдѣлана такая дерзость человѣку, къ которому она благоволила!

— Вотъ плоды той распушенности и свободы, какую король даетъ молодежи, своимъ придворнымъ! Я знала, что тамъ происходятъ невѣроятныя вещи, но это уже слишкомъ, и я не допущу, чтобы это прошло безнаказанно.

Радзеевскій, который такъ надобѣдалъ королю, въ этотъ день не пошелъ къ нему; прямо отъ королевы онъ отправился къ себѣ во дворецъ, и здѣсь первымъ приказаніемъ, какое онъ отдалъ, было, чтобы портретъ покойнаго Казановскаго, который вдова упрашивала оставить на мѣстѣ, былъ вынесенъ на чердакъ.

Черезъ нѣсколько минутъ съ плачемъ и упреками, съ гордостью и гнѣвомъ влетѣла къ мужу подканцлерша, требуя объясненія. Радзеевскій, на видъ съ полнымъ хладногровіемъ и самообладаніемъ, отвѣчалъ, что для него оскорбительно такое явное обожаніе покойника и что онъ рѣшилъ сдѣлать все, что въ его власти, чтобы истребить всѣ воспоминанія и быть здѣсь единственнымъ господиномъ.

— Вамъ я обязанъ, сударыня, — прибавилъ онъ, — тѣмъ, что сегодня со мной случилось приключеніе, которое навѣрное облетѣло весь городъ. Я вчера отказалъ отъ нашего дома Тизенгаузу, а этотъ молокососъ посмѣлъ сегодня напасть на меня

съ пистолетами и вызвать меня на дуэль, но это ему не пройдет даромъ.

Подканцлерша поблѣднѣла.

— Въ чемъ же провинился передъ тобой Тизенгаузь? Ты выбрасываешь портреты, разгоняешь моихъ друзей и родныхъ, шеужели такимъ образомъ ты надѣешься приобрѣсти мое сердце?

— Объ этомъ я даже уже и не стараюсь, потому что вижу, что это было бы напрасно, — воскликнулъ Радзеевскій, — но я не хочу, чтобы люди надо мной смѣялись.

Подканцлерша, у которой слезы ручьями лились изъ глазъ, молча отвернулась отъ него и вышла.

Подканцлеръ не такой былъ человекъ, который-бы далъ себя смягчить, разжалобить или запугать. Всѣмъ, чего онъ только ни добился въ жизни, онъ былъ обязанъ своей настойчивости и навязчивости. Несмотря на то, что жена ему не поддавалась, онъ не только не думалъ потакать ей, но, напротивъ того, началъ еще болѣе упорную войну, въ твердой увѣренности, что слабая женщина не выдержать до конца и покорится ему. Протекція короля, который явно ей сочувствовалъ, не могла быть полезна, такъ какъ при извѣстной слабости короля могла его скомпрометировать, и поэтому не могла явно обнаружиться. На это онъ больше всего рассчитывалъ. Весь планъ овладѣть королевой, а черезъ нее слабымъ Казиміромъ и Рѣчью Посполитой, чтобы извлекать изъ нихъ пользу, былъ уже основанъ въ его головѣ.

Еще въ тотъ-же день Радзеевскій надѣялся получить изъ замка какое-нибудь извѣстіе, такъ какъ былъ увѣренъ, что королева не проститъ Тизенгаузу такой дерзости, сдѣланной почти на ея глазахъ, а король, хоть-бы и хотѣлъ, и не по-смѣетъ защищать его, но никакого извѣстія не было. Посланный на развѣдки слуга подканцлера принесъ только одно, что у короля съ королевой былъ оживленный разговоръ и что при дворѣ, среди молодежи, замѣчалось какое-то раздраженіе и волненіе.